

**Записка,
составленная по рассказам Оренбургского
линейного батальона № 10 прапорщика
Виткевича относительно пути его в Бухару
и обратно**

(Далее следует запись 1850 г. на немецком языке, принадлежащая, видимо, Г. П. Гельмерсену, о том, что со слов И. В. Виткевича записку о его поездке в Среднюю Азию с ноября 1835 г. до апреля 1836 г. составил В. И. Даль.)

Цель и предмет отправления моего в Степь состояла собственно в том, чтобы вникнуть в положение и отношение дел, отдаленных от Линии родов киргизских, действовать внушениями на умы и дух ордынцев, доставить возможно верные и подробные сведения по делам этим, провести о влиянии бухарцев, хивинцев и англичан и, наконец, стараться о выручке захваченного в прошлом году в плен казака Степанова с женою.

Таким образом назначение мое ограничивалось пределами степи, но обстоятельства принудили меня проникнуть далее и побывать даже в самой Бухаре. Строгая зима и глубокие снега были тому причиною, что в течение зимы не было возможности предпринять обратный путь; аулы, расположившиеся уже на зимовку, начинают подвигаться на Север не прежде весны;

трудный и дальний путь, холода, недостаток порядочной пищи расстроили здоровье мое, и мне необходимо было собраться с новыми силами, чтобы совершить обратный путь; и наконец, ташкентцы и хивинцы, которые теперь во взаимной вражде, разъезжали большими шайками по всему пространству по ту сторону Сыра, и если бы я им попался, то, без сомнения, не миновал бы смерти или рабства; все это и заставило меня продолжать путь с тем же караваном, с которым я вышел, до Бухары, а оттуда выехать в такую пору, когда уже мог надеяться примкнуть к аулам, прикочевывающим на лето к нашим пределам.

Караван отправился из Орска 9 ноября; надежные товарищи и попутчики мои были: башкир Наджметдин, служивший долгое время письмоводителем при старшине джегалбайлинцев Сютее Исентаеве, и Ша-булат, бухарский купец, выросший в степи — мать его была кайсачка, а отец бухарец — и с давнего времени мне знакомый и преданный. Кроме того, большая часть караванных вожakov были также люди, мне хорошо знакомые. На Иргиз пришли мы, к озеру Калакайчи-Барби, 22 ноября; на пути этом не видали мы ни души. За Иргизом выезжали к каравану иногда кайсаки, но аулов не видали мы до перехода чрез реку Сыр. На урочище Музбиль, которое на картах наших входит в пространство, означаемое названием Кара-Кум, пришли мы 30 ноября. Здесь украли у нас дюрт-каринцы 25 лучших лошадей, о чем говорено будет ниже. На реку Сыр пришли мы 5 декабря; Куван перешли 8-го; обе реки по льду; здесь встретили мы 180 человек хивинцев под предводительством Ходжи-Нияза, пришедшего собирать подати с кайсаков и обогнуть караван. Всего было у Ходжи-Нияза 400 человек, но они разделились на отряды. Три дня, до 12-го, провозились мы с этими сборщиками.

17 декабря перешли мы реку Яны, или Кызыл, что одно и то же, хотя географы наши обыкновенно думают, что это две разные реки. 23 пришли мы к роднику Айгыр. Булаку; 27 к Бала-Караку, роднику в 10 верстах далее от теплого ключа Кара-ата-аулия; 2 января, наконец, пришли в Бухару. Таким образом, путь наш продолжался 54 дня, но в том числе было много дневок и стоянок, а сверх того должны мы были сделать немалый обход, как сказано будет ниже.

Пробыв в Бухаре 45 дней, отправился я 13 февраля обратно, с выступившими в ту пору караванами; 6-го марта пришли мы на реку Куван, 9-го на Сыр, 9-го апреля на Иргиз, а 18-го в Орск. Подробности пути и разные замечания изложены ниже по порядку и по связи предметов.

О хивинцах и отношениях их и других областей Средней Азии к кайсакам

До 1824-го года хивинцы грабили и обирали кайсаков ежегодно, но положенного сбора с них не было. После неудачного опыта нашего, посылки вооруженного каравана, хивинцы сделались смелее и стали высылать отряды далее, до самой Сырдарьи, и грабить еще более и наглее. Тогда чумекейцы послали послов и обещались доставлять сами в Хиву закят с тем, чтобы хивинцы уже их не грабили; дело состоялось, и этот порядок длился до 1832 года. Тогда чумекейцы (Утятлеу-бий, отделения Кульбы, и Азнабай, отделения Джильдер) поехали в Хиву, в надежде выслужиться у хана и, поссорившись с однородцами, которые неуравнительно вносили закят, — предложили хану, чтобы он снова посылал сам сборщиков, закятчиев своих, как водилось прежде. Хан только этого и ждал; с того времени хивинцы ездят по

Сырдарье, до самого Ак-Мечета Ташкентского, где отделяется Куван от Сыра, и грабят беспощадно чумекейцев наших, которые зимуют здесь и прикочевывают на лето к Оренбургской линии между Орск и Верхнеуральска. До этого все ташкентцы, а частью и бухарцы, собирали с чумекейцев закят тогда только, когда эти слишком близко подходили к пределам их; иначе они оставались свободными. Ныне же насилие это вошло в употребление, и наши так называемые подданные, будучи с нашей стороны освобождены от всякой подати и в то же время подвергаясь, по беззащитности своей, всем произвольным притеснениям и поборам хивинцев, поневоле повинуются им более чем нам и считают себя более или менее подведомственными хивинскому хану.

Закят, или подать, когда кайсаки посылали его сами, собирался только с баранов из 40 — один; ныне же кладут в оценку весь скот, кроме лошадей, и берут баранами, кошмами, лошадьми и вещами, в чем хозяин отказать не волен; берут, что хотят. Кроме этой сороковины хивинцы берут еще кура-баши, т. е. по одному барану с загона, с овчарни, со стада. Ныне собрали хивинцы с одних чумекейцев до 3 тыс. кошм, из которых каждая стоит не менее 4-х целковых, да баранов до 28 тыс. голов; так что на деньги выходит всего более 300 тыс. руб.; и весь отряд сборщиков, до 400 человек, продовольствуется и одевается сверх того всю зиму за счет кайсаков и возвращается с награбленным имуществом. Закятчи эти выезжают в степь и зимою в одном изодранном халатишке и обирают первого встречного киргиза: сдирают с него тулуп, халат и говорят ему, что это за счет закята. Воины Ходжи-Нияза состояли большею частью из каракалпаков; были однако же и туркмены. Чиновники отряда были все

родственники Ходжи-Нияза. Кайсаки называют хивинцев презрительно сарт, а в лицо — оралды или ургянджи. По Кувану чумекейцы наши сеют много хлеба; богатые кочуют, оставляя байгушей обедневших на месте, дав им корову, несколько дойных овец, и байгуши пашут, сеют семена хозяев, а урожай делится пополам. Хлеб ссыпают в ура, ямы, по 2—3 мешка, т. е. 8—12 пудов; хивинцы из хлеба этого берут подать, а именно с десяти ям одну. Главное хлебопашество на Нур-Ходже и Миг-Ботмане (Так по рукописи, хранящейся в Архиве АН СССР. В рукописи, находящейся в ЦГВИА СССР, это слово читается как Ленг-Ботмане.) — на том месте, где Куван разбивается на множество рукавов, которые снова соединяются, и где множество озер. Если кто из кайсаков скроет скот или хлеб, то с ним обходятся крайне жестоко; с него берут что хотят, все, и нередко еще убивают. И Ходжа-Нияз-бий казнил ныне несколько человек; между прочим у него угнано было несколько лошадей; воров поймали и обоих тотчас же повесили, по неимению шестов и вообще леса, на камышовых козлах. С Ниязом был и казы, духовный судья. Он и муллы толковали кайсакам непрестанно, что каждый кусок баранины будет харам, нечист и поведет их прямо в ад, если они не уплатят положенного закята правоверным, или если осквернят стада свои, уплачивая из оных подать христианам-русским.

У чумекейцев, которые в баранте с алтын-япасцами (джапасцами), дюрткаринцами и кипчаками, лошадей очень мало; большей частью одни верблюды и бараны; а как в северной части степи одни только лошади могут довольствоваться круглый год подножным кормом, то чумекейцам и остается только запастись сеном для баранов своих между Уралом и Иргизом, где иначе зимовать невозможно, или убираться на Сыр. Обстоятельство это

передает их в руки хивинцам. Два отделения дюрткаринцев (Сеит-куль и Чубан) и два чумекейцев (Тока и Куняк) поссорились в прошлом году с закятчиками хивинскими и прибили их; поэтому отделения эти зимовали между рекой Иргизом и песками Музбиль и Калмас и погубили почти весь скот свой. Сколько ни плачутся кайсаки на эти притеснения и разорения, но не имеют средства от них избавиться; с одной стороны, по изуверству своему, внушаемому и поддерживаемому в них хивинскими муллами, с другой — зная уже по долголетнему опыту, что Россия защищать их вооруженной рукой не станет, поэтому принуждены они покоряться Хиве и терпеть; но положение их жалкое и гибельное. Доселе на Сыре у хивинцев укреплений нет, года тому 4 как послали они было человек 400 для возобновления древнего Джанкента на Сыре, но кайсаки их прогнали; в нынешнем году хивинцы хотят поставить укрепление, и Ходжа-Нияз указал уже для этого место на Миг-Ботмане. Кайсаки и особенно чумекейцы и дюрткаринцы беспрестанно говорят о том, что ожидают, не пойдут ли русские на Хиву; они бы без всякого сомнения приняли в этом деятельное участие.

Одно племя туркменов Тляка поссорилось и подралось было ныне с хивинским ханом за то, что он хотел отдать дочь одного туркмена за хивинца; ибо туркмены не отдают ни за что дочерей своих за инородцев и обыкновенно даже не берут и у них жен, но хан уступил, они опять помирились. Каракалпаки суть чернорабочие хивинцев и расположены к ним по одному только изуверству и по слепой вере в непобедимую их силу. Бухарцы по невежеству своему и по проискам пронирыливого, корыстолюбивого кушбегия останутся в случае войны ничьими; не будут ни помехой, ни пособием.

Если бы стать твердою ногою на Сыре, то нет никакого сомнения, что хивинцы сделались бы совершенно ничтожными, схоронились бы в берлогу свою, кайсаки наши были бы в безопасности и между Сыром и Уралом водворилось бы совершенное спокойствие и повиновение. Это можно предсказать с совершенною уверенностью. Хивинцы не будут в состоянии предпринять что-либо против отряда, защищенного полевым укреплением, хотя бы отряд этот был и весьма незначителен; власть и влияние их исчезли бы вовсе, и самая торговля наша была бы безопасна, ибо тогда бы хивинцы не осмелились грабить и обирать караваны.

Ныне власть и влияние нашего управления простирается почти не далее пограничной черты Урала и не внушает ни кайсакам, ни областям Средней Азии особенного уважения и страха, который необходим для повиновения. На любовь и привязанность нравственную, добровольную, основанную на убеждении и рассуждении, на такую привязанность ни считать, ни полагаться нельзя. Снисходительное и миролюбивое правительство наше доселе тщетно надеялось достигнуть этим путем повиновения и спокойствия в Орде Зауральской. Неоднократно случалось мне слышать в ответ от кайсаков, которых хотел я утешить угрозами и заставить отречься от воровского промысла своего: что русские нам сделают? Не в первый раз слышим мы эти угрозы, не в первый раз грабим их, и поколе Аллах милостив — все сходит с рук. Хивинцы — дело иное, тех не тронь.

Часть родов чумекей, дюрт-кара и роды кичкина-чиклы (которые не подходят к нам ближе Каракума), кита-киреит, тыляу и уак, уходящие на зиму за р. Сыр, вовсе не считают себя подданными русскими—это для

них новая мысль. Их хивинцы приучили уже к такому безотчетному послушанию, что один хивинец, приехавший в любой аул, делает что хочет. Они так привыкли повиноваться каждому постороннему человеку, который только вздумает ими повелевать, что даже и я, например, пользовался между этими дикими, отдаленными родами, гораздо большим уважением, чем в родах близких к пределам нашим, где меня не боялись, а следовательно и не слишком уважали. Алтыняпасы и много родов Средней Орды считают себя подвластными Ташкенту, т. е. Кокану; но и за этих хивинцы нередко дерутся с ташкентцами. Некогда ташкентцы брали закят даже с чумекейцев, но теперь принуждены были уступить их Хиве. Бухаре принадлежат только кайсаки, известные под именем: илибай; это не род, а сборище, случайный сброд разных родов и отделений, около 1500 кибиток, кочующих между Яман-Кызылом и пределами Бухары в горах Букан. Они не богаты, вопреки названию своему, которое означает богатые аулы. Между Карши и Бухарой кочует еще сотни две кибиток чумекейцев. Илибай эти промышляют привозкою углей и дров в Бухару. Более подвластных Бухаре кайсаков ныне нет. Султан Сарджан-Батырь, который, обще с ташкентцами делал набеги на Омскую область, поссорился ныне с союзниками своими, образовал отдельный отряд в 300 кибиток хорошо вооруженных воинов и грабит всех соседей. Часть рода дюрт-кара подходит к Орской крепости на мену; зимуют дюрткаринцы, все равно как и кичкина-чиклы, около Каракума, идут потом за Сырдарью, за Куван, в Кызыл-Кум, и подходят ближе к р. Аму, чем все прочие. Поэтому хивинцы и наложили на них руку и собирают с них подать, но если нет снега, который здесь заменяет воду, то роды эти не удаляются от Кувана. Вскоре, по упадке власти Арун-Газыя ,

умершего ныне в Калуге, хивинцы сделали над родами кичкине-чикли и дюрт-кара хана — Джангазы Ширгазыева (Манапбай Каипов — тоже), сына Ширгазы Каипова, внука Каип Абулхайрова, который был ханом Хивы. Прадед этого хана Джангазыя, Абулхайр, присягнул, как известно, на верноподданство России.

Хан этот человек еще молодой и уполномочен собирать дань с проходящих караванов, если на ту пору не случится хивинских закятчиев. Он летом подходит к Иргизу, иногда даже переходит реку эту. Он собирает также с подвластных ему родов закят и-наложил в прошлом году на орский караван двойной налог, т. е. взял по пяти со ста, вместо обыкновенной сороковины, или двух с половиной процентов, за то, что третьего года караван прошел, не заплатив закяту. Он бы разграбил караван, пришедший с 700 человеками, но караван, к счастью, завладел перевозными лодками на Сыре; переговоры шли долгое время через реку, наконец должно было выплатить требуемое. Тут, например, у одного приказчика орского 1-й гильдии купца Мусы Назарова, у Мухаммед-Шарифа Махаррамова, взято товарами на 1500 рублей. Этот же приказчик отправил, пришедши в Бухару, 615 штук бязи на 9000 рублей для мены с чумекейцами в отделение Сары-Кашка с вожакон Дюрт-Кара Кайралаповым. Этого вожака в свою очередь ограбили ташкентцы, отняли все, переранив людей. Около 20 человек ташкентцев также ограбили приказчика казанского купца Мухтара Мухаррамова — татарина Габита Халитова; взяли 415 баранов, 4 верблюда и лошадь, а самого его увезли в плен. Он торговал в аулах чумекейцев и там же ограблен. Тут же разграбили и приказчика нашего купца Ковалева.

С нашего каравана взято хивинцами с одних бухарцев на 340 бухарских червонцев, или на 5440

рублей. С татар наших берут, как известно, вдвое противу азиатцев, но я теперь не могу сказать положительно, сколько именно с них было взято. У татар наших развязывают тюки, бьют людей и собирают с неслыханными притеснениями и злоупотреблениями; из развязанных тюков хватают и тащат товары во все стороны; хозяин должен со сборщиками браниться и драться — крик, шум и всегдашний недочет. Так, например, в аулах чумекейцев, между Куваном и Яны, хивинцы сторговали в караване нашем чекмени верблюжьего сукна, посулив по 3 барана за чекмень. Хивинцы надеялись отбить ночью у кайсаков баранов и ими заплатить, но проехдив всю ночь, не нашли они киргизских баранов, а потому и напали на стадо Шигабутдина Сейфульмулюкова, татарина, торгующего в Орске, и разобрали 400 баранов по рукам, избив приказчика и пастухов. С величайшим трудом отбили и отняли часть баранов этих, но всех не воротили; равным образом и часть чекменей пропала.

Ташкентцы ограбили в то же время и бухарских купцов, но отправленные в Ташкент с ярлыками хана своего, получили удовлетворение. Если посмотришь своими глазами на эти самоуправства, о коих у нас едва ли кто имеет понятие, то несколько нельзя удивляться застою нашей азиатской торговли. Одни туркмены не даются хивинцам в обиду, как кайсаки, коими один хивинец в черной высокой шапке помыкает как ему угодно; туркмены закята не платят никакого, исправляют только казачью службу и привозят иногда подарки, коли приезжают в Хиву. Хивинцы, как известно, учредили ныне нового хана над родами: адай, биурдын, или чумучлитабын, и чикли (аит и буджюр). Роды эти большею частью кочуют или зимуют на восточном берегу Каспия, за Устюртом, но искони принадлежат нам. Хан

этот известный наездник Султан Каип-Галий. Таким образом, хивинцы поставили ныне по хану на обе стороны Аральского моря и распространили власть свою далее чем когда-либо со времен заложения Оренбурга.

В Хиве живет и действует заодно с хивинцами Юсуф Сарымов, сын известного Сарым-Батыря, разбойника, рода байуллы, отделения байбакты; он ушел в Хиву назад тому 3 года из-под Уральска, бывал в С.-Петербурге, имеет две медали, золотую и серебряную, и причина неудовольствия его вовсе неизвестна. Сюин-кара, который прежде враждовал, делал набеги на линию, но со времени заложения Ново-Александровска пришел с повинною, доселе еще остается верным России.

Помянутый хан Каип-Галий и Сарымов ездили от хана хивинского сами к нему, к Сюин-каре, но он им отвечал, что останется русским. Хан хивинский до этого посольства еще собрал земляков убитого разбойника Кутерабара, чиклинцев отделения тляукабак, старшин отделений нааар, чурень и других и требовал, чтобы они платили закят Хиве и делали набеги на Россию и на кайсаков наших. Хан угощал их и роздал им много порошу. Кайсаки приобрели ныне также немало порошу в Бухаре, где он хотя и плох, но необыкновенно дешев — каких-нибудь два рубля пуд. Они обещались исполнить волю хана; но бий Утарали (отделения киргиз или тляукабак), в верности коего мы доселе сомневались, показался в этом случае; он отказался, уехал под видом болезни в Бухару и пробыл там во все время споров, советов и приуготовлений. Хан хивинский действительно в половине января хотел итти на Ново-Александровск; он собрал до 18 тыс., но по нерешимости войско разошлось и начальник принес саблю свою хану, прося лучше отрубить ему голову заранее. Этим вполне подтверждается справедливое и неоспоримое мнение, что

хивинцы кичатся только на словах, в надежде на авось, но что в душе боятся нас и что одною только силою можно изменить образ их действий. Старший брат хивинского хана — инак, который как все инаки этого двойственного правления, пользуется только почестями, а власти никакой не имеет, крайне отговаривает хана итти на русских.

Хан Хивы живет в дружбе со всеми своими родственниками, не как бухарский, и обедает не один, а всегда со всей семьей, До 40 человек, малых и великих. Этому причиной старший брат, инак, и на него вся Азия указывает, как на пример. Он человек кроткий, не добивается власти, и хан его уважает. Хивинские города, сама Хива и Ургенч, как говорят, гораздо хуже всякой бухарской деревни, хотя и в этой нет ничего завидного.

Стены хивинских городов весьма плохи и не могут выдержать никакого сопротивления. Хивинцы живут также хуже, простее бухарцев; пленные наши и персиане ждут русских в Хиву с того времени, как Аббас-Мирза был в Хорасане. Этому подал повод персидский батальон, составленный из русских беглых и пленных солдат. Сами владельцы Средней Азии, по невежеству своему и глупости, не имеют никакого понятия о силе и могуществе России, презирают в душе все немусульманское и коснеют в черством и однообразном невежестве своем, не заботясь о будущем, не занимаясь прошедшим. Слухи о победах наших над турками и персианами дошли сюда, в Среднюю Азию, в самом искаженном виде и большею частию почитаются какою-то сказочною молвою и мало кто этому верит. Сам кушбеги бухарский спросил меня, правда ли что мы победили персиан и турок и что взяли с них столько-то миллионов? На утвердительный ответ мой отвечал он

двусмысленною улыбкою и сомнительно покачивал головою.

Хивинские воины, кара-аламаны, ходят обыкновенно в изорванных халатах и в черных-или рыжих высоких шапках; у 180 человек, которых я видел, было не более 18 самопалов и несколько копий — по недостатку древков немного; сабли были у всех, а пистолетов не было вовсе. Сабли туркменской и своей работы; лошади плохи; аргамаков было только два хороших, да с десятков похуже; прочие лошади породы джабау, некрасивая и нехорошая порода; лошади мелки, нескладны и слабы. Народ стройный, красивый; каракалпаки поплотнее, хивинцы худощавее; туркмены тонки, высоки и статны.

Хивинцы слышали, будто я везу четыре ящика сабель в подарок кайсакам. Сказка эта основана на том, что один из купцов вез четыре ящика стали, в прутьях, что верблюдов его выючили недалеко от моего жилища в Орске, и некоторые думали, что это мой товар и сабли. Ходжа-Нияз и диван-беги (Здесь — управляющий делами.) его, пленный персианин Джапар, всячески добивались сабель этих, наконец даже раскупили ящики, обыскивали караван и насилу успокоились и отвязались.

Караванов не грабят они ныне для того только, чтобы пользоваться постоянным и произвольным с него побором; впрочем малейшая неприятность и ныне еще нередко имеет последствием разграбление каравана, который всегда пробирается между страхом и надеждой, и, идучи в Бухару или из Бухары, не смеет миновать пределов Хивы, где подвергается всем насильственным и произвольным поборам. У меня в ножнах шашки зашито было 300 червонцев; хивинцы удивлялись тяжести шашки и успокоились тем, что ножны, как у русских

сабель обыкновенно бывают, железные и только обшиты кожею.

Рядового поляка, кажется, из Кизильского батальона в 1835 году летом поймали япасцы, от них взяли чумекейцы и отдали в счет закята Ходже-Ниязу в Хиву. Рязанов, бежавший из Хивы в Россию, а потом из Астрахани опять в Хиву, вместе с другими снова хотел уйти в Бухару; но был пойман и посажен на кол, вместе с кривым малолетком Полудовым из Орска и с Андреем Аршиновым. Андрей Аршинов, обще с братом своим, бежал из Астрахани года тому три и разбойничал по Каспийскому морю вместе с туркменами и адаевцами. Полудов был увезен вместе с отцом своим около 1827 года из Орска и ныне казнен за четвертый побег. Отец его еще жив, в Хиве, и работает на кунжутной мельнице. Мнение, что в Азии мусульмане и тем паче сунниты не подвергаются рабству, не совсем справедливо. Татар наших нередко продают на базарах, не спрашивая их о исповедании. Те, которые живут в городе, довольно безопасны; но если их поймают где-нибудь туркмены, для чего разными хитростями заманивают в степь, то нередко привозят на базар для продажи. Равным образом среднеазиатские мусульмане не исполняют наказ Корана своего и в том отношении, что никогда не освобождают пленника, принявшего их исповедание. Почти все пленники наши и все персиане, хотя большею частью только для виду, приняли, по принуждению, исповедание повелителей своих; но ни один для этого не получил еще свободы.

Яныдарья ныне суха вовсе; полуоседлые кайсаки около Сыра, занимающиеся хлебопашеством под защитой ташкентцев, сделали плотину для задержания воды, пущенной по пашням. Аральское море, по общему мнению, убывает значительно. Против устья Яны-в

заливе Кара-Шур была вода верст на 20 еще во время экспедиции Циолковского в 1824 году; ныне все сухо, и море отошло далеко. Причиною этому кажется то, что устье Амударьи ныне почти вовсе занесло илом и травою, и река обратилась к Куне-Ургенчу, разливаясь далеко за оный, в песках. Жители, разоренные наводнением, повторявшимся с 1832 года, по этому случаю ежегодно основались опять в покинутом некогда Куня-Ургенче. Куня-Ургенч лежит на старом русле р. Аму; предание говорит, что когда сделана была известная плотина и река пошла в Арал, то старое русло высохло и жители принуждены были покинуть город. Ныне устье Аму обмелело, река стала разливаться по сторонам и снова подошла к Куня-Ургенчу. Само собою разумеется, что она однако же никогда не может достигнуть Каспийского моря; ей должно бы протечь до 900 верст по пескам и рыхлой почве, и на это не станет в ней воды. Она должна исчезнуть в пустыне этой, образуя болота и топи. Хивинцы, по случаю задержания в прошлом году бухарских купцов в Оренбурге и взятия подписок с хивинских купцов, что не станут держать и покупать русских пленников, уверены, что русские пойдут нынешний год в Хиву, но надеются на силу и милость своего святого Палвана, которому поручили заботиться о безопасности столицы и ханства.

Дальние кайсаки очень не расположены к хивинцам и, несмотря на изуверство исповедания своего и на подстрекательство мулл, расположены несколько более к русским, которых знают, впрочем, только понаслышке, по сказкам и басням и также боятся и не совсем им доверяют. Вообще кайсаки, за исключением самых ближних и проживавших на Линии, не имеют никакого понятия о подданстве своем и считают себя совершенно независимыми; повинуются, где этого не могут избежать,

силе, но считают это насилием. В этом нет с их стороны ни умысла, ни упорного, обдуманного сопротивления; они вовсе не знакомы с мыслью, что они чьи-либо подданные, а привыкли думать, что состоят, временно, под властью владельца, к землям которого они по необходимости должны приблизиться.

О Бухаре, о самом ханстве, отношениях и состоянии его

28 декабря встретили мы первых бухарцев; караван-баши за 6 дней послал вперед дать знать хану о прибытии каравана; навстречу выехал джилаудар (Джилаудар — в данном случае курьер хана.), персианин, невольник хана, который в милости, в чести, ездит на аргамаке и величается так-сыр — почесть, оказываемая только вельможам и султанам. При нем было 10 человек; он допросил купцов, составил список товарам и ночью же отослал кушбегию. Джилаудар встретил нас между урочищами Карском и Нур Ходжа. За два дня хода от первого бухарского селения, Кагатама, есть еще третье и ближайшее урочище, где обыкновенно встречаются караваны — это Агатма. От Карока до Нур Ходжи верст 30; столько же от последнего до Агатма, а отселе до Кагатама, первого бухарского селения, верст 25. Караван разделили под Кагатамом на 3 части: на бухарцев городских, деревенских и татар. Первым прикладывают печати к тюкам и собирают пошлину в Бухаре; вторых осматривают и собирают пошлину тут же; татар — как случится, но обыкновенно обирают их также на месте. Почва здесь всюду песчаная, переносный сыпучий песок, так что часть Кагатама и ныне еще виднеется из-под песка, засыпанная вовсе. Несмотря на это, есть сады и виноград. Беспорядочно разбросанные дворы Кагатама обнесены глиняными стенами. Тут есть дом кушбегия, в

котором собирают пошлину,— бадж-хана, таможенный дом. Здесь же, в Кагатаме, сам кушбеги, великий ловчий, сокольничий, который держит пошлину на откуп и платит, как говорят, хану 80 тыс. бухарских червонных, встретил караван и управлял лично и своеручно. Впрочем, вероятно, что откупная сумма преувеличена.

И тут без грабежа и насилий не обошлось; брали, что хотели, что кому нравилось. Некто Эдигар-Бик (Бек-Бий) при сборе этой пошлины также важное лицо: он приехал с кушбегием и с голодною его толпой, кашлянул, окинул стоявших пред ним покорных купцов жадным оком и приветствовал их громовым голосом, обещав избить палками каждого, кто осмелится утаить что-либо из товаров. Кушбеги, который, как известно, носит почетное, но скромное звание это только для виду, между тем как он по власти своей есть первое лицо в государстве и управляет даже самым ханом, кушбеги хотел блеснуть знанием европейских дел; он повторял несколько раз урок, который затвердил, как сам признавался, от бывшего недавно в Бухаре англичанина Бёрнса: что англичане на море, а русские на суше — сильнейшие государства в Европе.

Товарищем моим из самого Оренбурга был, как я уже сказал, полубухарец Ша-Булат; но кушбеги, который не хотел называть простолюдина шахом, дал ему название Там-Булата и допрашивал его с угрозами, не везет ли он в числе своих и мои товары.

Дело в том, что немусульманин платит пошлины вдвое противу правоверного, и поэтому думали, что я приехал торговать под именем Ша-Булат; не хотели верить, чтобы у меня товаров не было вовсе. Кушбеги позвал меня. Ты русский? Русский. Зачем приехал? Особенной надобности у меня нет; я был послан к кайсакам за пленником, харчи у меня все вышли, роды, с

которыми мне отправляться, откочевали, глубокие снега сделали дороги непроходимыми; ташкентцы, туркмены и хивинцы на пути разбойничают; поэтому я прибегнул к Бухаре как к союзной державе. Хочу пробывать несколько времени здесь и отправиться после с попутчиками, с кайсаками. Товары есть у тебя? Нет. А деньги? Есть, 200 червонцев. Я снял чресленник и просил, чтобы кушбеги сам велел сосчитать деньги. Глаза у него разгорелись на мое золото, но ему было как-то совестно обобщать меня, и он искал предлога. У нас, сказал он, в Бухаре на все есть законы, и с денег твоих по законам нашим следует взыскать пошлину. Я отвечал, что и сам жил в государстве, где судят по законам и привык им повиноваться. Знаешь ли Искандера? — спросил кушбеги. Я думал, что он говорит об Александре Македонском; но оказалось, что речь шла об Александре Бернсе. Я сказал ему, что путешественник этот расхвалил его, кушбегия. Это ему понравилось. Искандер подарил мне книжку, продолжал он, очень любопытную, но не мог мне объяснить хорошенько содержания ее, потому что знал плохо по-персидски. Он кое-где на краях написал перевод. Но книжки этой, о которой кушбеги знал только, что она очень любопытна, не показал он мне и впоследствии, вероятно, затерял ее или поленился отыскать. Он говорил о ней только, чтобы показать ученость свою.

Принесли и стали рассматривать ружье и пистолеты мои с пистонами, но кушбеги отворачивался и боялся этого нового изобретения, хотя знал и видел его уже прежде. Эдигару поручено было сосчитать червонцы. Нашлось 197. Наперед всего положено было взыскать пошлины за полные 200, потом пошли толки, сколько взять? Мусульмане платят с 40 по одному, а неверные вдвое. Толковали мне, что с армян, с индийцев берут

также по 5 со ста, с Искандера взяли столько же. Я не спорил, но кушбеги, желая прикрыть действия свои благовидным предлогом, позвал муллу и спросил его по-татарски, сколько следует взять с русского, ибо русские доселе, кроме послов, никогда в Бухаре не бывали, а по-персидски сказал ему, мулле: с десяти один. Я отвечал по-персидски же, что может взять и с пяти один, может также взять и все. Это немного озадачило кушбегия, и он своротил разговор, начав расспрашивать меня, где я выучился по-персидски. Наконец, взяли со 197—20 червонцев, причем кушбеги повторил несколько раз, что он, впрочем, спросит еще хана, согласно ли это будет с волею его, и готов немедленно возратить деньги, если хан это прикажет. Само собою разумеется, что это было одно только пустословие. Меня спросили, где я буду жить — в деревне или в городе? Я хотел было оставаться на сахре, вне города, чтобы разъезжать свободно; но кушбеги предложил мне нанять квартиру в его сарае, от чего я впрочем отказался, и настаивал, чтобы я ехал в город. Караван разошелся; верховые поскакали в город и по деревням, к знакомым своим, а я поехал в Вабкенд, 2 1/2 фарсаха, верст 20 от Кагатама, в дом Ша-Булата. Кушбеги приказал мне явиться к нему в городе.

По 54-х дневном степном пути довольно приятно было видеть селение. Беспорядочно разбросанные глиняные мазанки, впрочем все до половины развалившиеся, с плоскими кровельками— вокруг сады, виноградники; почва: ил, глина, песчаные бугры и солонцы. Я поместился в михмане-хане, в гостиной комнате Ша-Булата; это на дворе отдельно складенная избушка, об одной комнате, в которой четверо дверей, с двух сторон по двое; откуда ветер, там двери затворяются. Каждый двор обнесен глиняными стенами. Видно, что местечко было некогда в лучшем положении;

есть много остатков бывших строений. Старые глиняные стены, в которых есть солома и навоз, разбиваются и употребляются бухарцами для назему.

В полуверсте от Вабкенда переезжают реку того же имени через деревянный мостик, ширина реки сажень 10, 12 — мост подлиннее.

Этот и следующий день однодеревенцы — трудно назвать Вабкенд городом, да и бухарцы сами одну только столицу свою чествуют этим именем — однодеревенцы Ша-Булата приходили с поздравлениями, рассказывали дела и новости свои, у кого какие споры, тяжбы, и у кого сколько танапов земли и каков был урожай. Погода стояла ясная; по ночам были сильные морозы, за 10°, а, в полдень таяло на солнце. Греются здесь посредством сандалие — род низенького столика, под который ставят жаровню, накрывают столик одеялами и садятся в кружок, сунув ноги и руки под стол. Ели плов и баранину. В Вабкенде есть башня, минарет, который стоит сам по себе, без мечети; минарет этот кирпичный, довольно искусно сложенный. Есть предание, что какой-то хан велел убить строителя подобной башни в Бухаре, чтобы он не мог построить в другом месте что-нибудь подобное; но ученик этого зодчего бежал в Вабкенд, выстроил башню в одну ночь и сошел с ума. Вышина башни этой 40 газ, т. е. 20 маховых саженьей. Есть поверье, что Орская крепость стоит выше Бухары или выше Вабкенда на 40 таких башен и что в течение сорокадневного верблюжьего хода понижается ежедневно на высоту одной башни. Это может быть близко истины.

2-го января навьючил я все необходимое на одного верблюда и отправился с башкиром своим и Ша-Булатом в город. В полутора фарсах от Вабкенда переехали мы мост Таш-Купыр, кирпичный, построенный через р.

Заревшан Абдулло-ханом, как и вообще все порядочные строения приписываются здесь этому Абдулле-хану, владевшему, как говорят, лет за 200. Мост длиною сажень 30, шириною с не большим в две сажени; он начинает разваливаться, но никто его не чинит. В заламах на столбах моста много надписей; путники изливали в стихах благодарность свою Абдулле-хану.

Река Вабкенд впадает в р. Заревшан немного ниже Таш-Купыра. В Вабкенде вода еще мутнее, чем в Заревшане; течение и тут и там не быстрое. Вся земля изрезана канавами; все мостики, ведущие чрез множество канав, поломаны и попорчены так, что по большой дороге, которая, впрочем, нередко суживается в тропинку, едва можно проехать верхом.. Вдали, по дороге, виднеются сады, виноградники и жилища. У самого моста, по ту сторону, на правой руке глиняная мечеть, на левой — лавочки и кузница для проезжающих. Тут, в лавочке стоит и русский самовар, которых навезли ныне сюда много. В полуфарсах, по дороге, селение — едешь почти непрестанно между глиняными стенами или между пашнями, изрезанными канавами. Далее, на канавах, построено множество мельниц — мутовок, почему место это и называется Ассия, мельницы; тут же есть и медники, которые в особенности делают медную посуду, для омовений мусульман, известную здесь под именем кашгари. Мельницы стоят на курьих ножках, на кривулинах в руку толщиной, и обмазаны глиной. Всего от моста до города около 3-х фарсахов, от Ассия остается один фарсах, верст 8 или 10. Тут встретили мы толпы народа, возвращающегося с базара, из города. Чрезвычайно смешное зрелище; холод был значителен, накинув один изорванный, стеганный халат, надев на босу ногу изодранные башмаки и перекинув мешок через спину осла, сидит бухарец, сгорбившись и заложив руки

за пазуху, на ишаке своем и непрестанно толкает его пятками по бокам. В городе остановились мы в сарае Аяз, по имени бывшего хозяина.

Глиняная стена, или вал, коим обнесен город, вышиною около 5 сажень; толщина ее у основания аршин 5; окружность полагают — фарсах, до 10 верст. Стена поддерживается тут и там земляными быками; вершина украшена зубцами; под зубцами вокруг, с внутренней стороны, род уступа, который обваливается и крайне узок, так что пройти по нем едва ли возможно, за исключением разве некоторых мест, близ ворот, где выдаются площадки, с которых сталкивают иногда преступников. При мне столкнули, за воровство, двоих; один сломал ногу, другой весь расшибся, но, кажется, они остались оба живы. Рва нет; остались одни только признаки его; ворот, как говорят, 12; но когда я заставлял бухарцев назвать их по именам, то всегда одних ворот не досчитывались. Впоследствии я слышал, что одни ворота завалены вовсе и в них не ездят. Названия ворот следующие:

1. Самаркандские, 2. Мазар, 3. Кауаля, 4. Салляхана, 5. Намазга, 6. Шейх-Джелаль, 7. Каракуль, 8. Ширгиран, 9. Талипаджд, 10. Каляндар-хане, 11. Имам.

Притворы или полотенца плохие, сколочены из мелкого лесу; в случае нужды их заваливают снутри камнями и землей. Вплоть к стенам города, вокруг, примыкают сады, дачи, обнесенные также стенами, примыкают и лепленные и мазаные лачужки, все это, с небольшими промежутками, окружает город на значительное расстояние, простирается, например, почти до самого Вабкенда. В городе высоких манаров кроме Манар-Каляна, о котором было уже упомянуто, по случаю башни Вабкендской, нет. Вид города при въезде неопрятен, неблагоприятен; улицы непомерно узки, так, что

если встретишься пеший с двуколою арбою, которых, впрочем, очень мало, то нельзя пройти, а остается только перелезть через ось и колеса. Ось по обе стороны боронит мазанковые стены. Поблизости базаров теснота и толкотня непомерно велика. Пешие и конные оглушают друг друга непрерывным криком: пушт! пушт! (поди, поди); разносчики съестных припасов сбивают ног друг друга; через лежащих идут люди и лошади — словом едва можно пробиться и протолкаться; но лишь только пять раз в день — мадзины позовут к молитве как мгновенно улицы пустеют, и кто не идет в мечеть прячется, по крайней мере куда может, чтобы его не отыскивали ханские есаулы.

Из строений заслуживают замечания: базары, бани, караван-сарай, мечети, медресы и Арк, или дворец. Три главные базара: там, где продаются ткани, ковры и шелковые изделия; чар-су, где продается всякая мелочь, шитое платье, утварь, сбруя; саррафан, где есть и продажа, но большей частью сидят менялы, индийцы. Три базара эти все одного зодчества: круглый, кирпичный свод, на таких же столбах, к которому примыкают кругом такие же своды, меньшего размера. Между сводами, большею частию, некрытые треугольные промежутки. Под сводами, прижавшись к столбам, сидят продавцы; глиняный пол базаров так выбит, что весь состоит из ям, в колено глубины. Во всех примыкающих к базарам улицах и переулках есть лавки. Все эти базары древни, ветхи и приписываются также Абдулле-хану; новые базары состоят из обмазанных глиною, сложенных из полешков сводов, которые образуют род кровли. Эти базары крайне безобразны.

Бани постройкою своею походят на базары, но только пространство между столбами забрано стенкою, обмазано глиной и строение гораздо ниже. В сводах бань

вставлены небольшие окошки в одно стеклышко, и внутри бывает очень темно, нечисто, неопрятно; пол очень дурно устлан плитами, стены выбелены и всегда мокнут; средний свод, забранный особою стенкой, есть самое жаркое отделение бани, которая топится снизу, нагревая каменный пол; из среднего свода восемь дверей ведут в восемь особых приделов, в своды меньшего размера. Бани все принадлежат медресам или другим общественным заведениям, их отдают на откуп. Откупщик преважно заседает в зале, у входа в баню; тут же, в особой загородке, под открытым небом, раздеваются, и банщик стережет платье. Лучшая баня Маскаран; в ней и в бане Гамами-Ходжа парится сам хан, который за это ни копейки не платит; это не водится. С частных людей, впрочем, также не полагается определенной платы; бани суть народные, богоугодные заведения; банщик не смеет даже спросить денег, а кланяется вежливо тому, кто сам подает несколько пул, и всегда довольствуется этим подаянием. Несмотря на это, бани отдаются, как я уже сказал, на откуп. Все баня в Бухаре гадки и нечисты, но банщики моют хорошо, бреют, в то же время приговаривают всякую всячину, выпрашивая себе подаяние, ибо содержание от хозяина не получают.

Караван-сараяв, или просто сараяв, как их называют в Бухаре, по крайней мере 25; замечательнейшие: Раджаб-Бик-Диван-Беги; в нем я остановился, перешед из Аяза, где мне не показалось. Это четвероугольное кирпичное здание, об одних воротах, с двором посередине. Три яруса расположены амфитеатрально, уступами, один уже другого; на низу конюшни и несколько комнат; во втором ярусе кладовые; третий содержит жилые комнаты, шага по три ширины и по пяти длины. В комнатах небольшие очаги для котелка

или чайника. Здесь платят в месяц: за комнату 2—4 танег, а таньга около 20 коп. серебром; за кладовую—7—14; за конюшни особой платы не полагается.

Снаружи, в толстых глиняных стенах сарая, множество заломов, в которых торгуют мелочники. Вокруг сарая отчасти прилеплены снаружи избушки, частью оставлен ход или улица которая так узка, что двум человекам рядом нельзя пройти. Во всех сараях двери и деревянные работы неимоверно дурны; петель у дверей нет, а ходят они на деревянном веретене, на пятке и притворяются не плотно. Хозяин сарая Раджаб-Бик получает, отдавая его на откуп, ежегодно до 300 бухарских червонцев. В этом сарае стоят обыкновенно андаджанцы, туркестанцы из разных мест, иногда и хивинцы. Длина бока этого сарая до 25 сажен; всего в нем до 300 жилых нор.

Сарай Аяз больше Раджаб-Бика, но ветх и крайне неопрятен. В нем пристают беглые наши татары, афганцы, гератцы, менялы-бухарцы; тут же живет известный армянин астраханский Мартын Егоров Берхударов. Сарай Аяз той же постройки как и все прочие, за исключением одного или двух. Но все почти сараи больше или меньше разваливаются и вообще в самом неопрятном и дурном положении. У нас бы никто не согласился жить в такой конуре, в которой помещаются здесь богатые купцы и сановники, не подозревая даже, что можно бы жить лучше. Помянутый Берхударов вставил было в дверь свою для свету, стеклянное окно о 4-х стеклах; это было такое диво, что весь город сходил посмотреть и щупать стекла эти, поколя наконец их выбили, и Берхударов принужден был заменить их бумагою.

Сарай Ногай очень ветх и дурен, в нем едва возможно жить. Живут там без исключения одни татары

(беглые), человек до 1000, по 6—8 в одной конурке, и проводят большую часть дни на воздухе, за чеботарной работой. Приезжающие из России татары останавливаются тут же; один из земляков такого приезжего очищает ему комнату свою, прислуживает и за это получает безделицу.

Сарай Тамбаку, получивший название от продажи в нем табаку. Табак сеют в Бухарии повсюду, но русский для нюхального, а каршинский для курительного почитаются лучшими. Первый известен под названием нос или носовой. Довольно странно, что курить и нюхать строго запрещается, но продавать явно табак и трубки не запрещено. Курят почти все, нюхают также очень много, но все это втайне. Сарай Тамбаку выстроен как русский деревянный постоялый двор; покрыт весь, и свет входит только в ворота. Комнат не более шести.

Два сарая Ходжа, оба одних хозяев, а именно родственников ханских, из коих один живет ныне в Оренбурге. Хан объявил сараи эти своими. В одном живут одни индийцы; он велик, но очень ветх и в самом дурном, неопрятном положении. Замечательно, что отхожее место этого сарая есть плоская кровля верхнего яруса: десятки людей во всякое время сидят там, под открытым небом, без всякой огорожки, ничем неприкрытые от взоров целого города, как только накинутыми на голову халатами.

Сарай Пахта — хлопчатой бумаги. Мал и нечист, завален весь, сверху донизу, тюками хлопчатой бумаги. Из деревень товар этот сами поселяне не привозят, но барышники ездят по деревням, в базарные дни, закупают бумагу и сваливают ее здесь.

Сарай богатого афганца Бедрутдина. Купец этот имеет жен и дом в Бухаре, приезжает ежегодно из Кабула и первый капиталист в Бухаре: у него полагают до 40 т.

тилла, или 160 т. руб. Он ежегодно вывозит в Кабул до 100 лучших лошадей и много русских товаров. Сарай новый, хороший, не мал. В нем останавливаются большею частью афганцы.

Сарай Мирза-чуль. В нем стоят также афганцы логани иг жители разоренного города Мавра. Сарай старый и плохой.

Сарай Кушбеги, мал, но в хорошем положении. Сам кушбеги проводит большую часть времени там, в особой комнате. Останавливаются наиболее персиане.

Три сарая Урганджи, или хивинские, заняты все хивинцами, привозящими в Бухару хивинские халаты, которые кочевыми народами предпочитают халатам бухарским. Привозят тоже яблоки, джиду, зимою рыбу; закупают в Бухаре пряженую и хлопчатую бумагу для отправления в Оренбург, бумажные ткани, индийскую выбойку, краски, чай, каракульские мерлушки и прочее.

Сарай Филь-Хана. Наверху живут беглые татары, сапожники (Кауш-Дуз), а внизу ташкентцы и кокандцы.

Сарай Эмир, то есть ханский — темный, тесный, служит только кладовою. В другом ханском сарае, Эмире, торгуют каракульскими мерлушками.

Сарай Абдулла-Джан. Наверху живут кашемирцы и афганцы, внизу бухарцы. Сарай Карши — продажа каршинского табаку. Живут в нем индийцы и бухарцы-тулупники. Тулупы эти никогда не заготавливаются в запас, а поспевают обыкновенно при наступлении весны; в продолжение морозов народ толпится и дожидается по целым дням шубы; пробившись таким образом половину зимы, бегая по улицам в изорванном халате, при 10, 15 и более градусов морозу, бухарец наконец покупает тулуп и при наступлении весны, пронесив его несколько недель, спешит продать первому охочему за полцены.

О будущем здесь не заботятся и каждую весну забывают, что опять придет зима. В сараях Берра и Дамулла-Шир останавливаются кокандцы и ташкентцы, торгующие чаем. Два сарая Исмаил-ходжа, старый и новый; в первом останавливаются туркменцы и вообще люди, приезжающие на своих лошадях в верблюдах, ибо в нем конюшни довольно просторны; во втором стоят бухарские купцы, а вверху — ногаи, беглые татары. Сарай Алям — где стоят бухарцы. Сарай Паяс-Таны, где кундузцы продают невольников. Невольники эти: газаря, каферы, чатрар, бадахшанцы, а иногда и русские, гератцы, персиане.

Эмир Мухаммед Мурад-бек, нынешний владелец кундузский, непрестанно делает набеги на окружные народы, берет пленных, и купцы их привозят в Бухару. Платят за них 20—50 тилла или бухарских червонцев, за хороших девок дают до 70, за пригожих мальчиков до 40, но работники обыкновенно не дороже 30. Говоря о караван-сараях, надобно заметить, что почти каждый купец бухарский держит комнату в сарае; ему негде более складывать и держать товары свои, негде торговать. Во всех домах такая теснота, дворы так непомерно малы, калиточки так узки, что нет возможности ни пронести, ни сложить в частные дома тюки и товары; при этом взаимные сношения жителей и приезжих, все дела производятся только на базаре, да в сараях; по домам никто почти друг к другу не ходит; дом и двор почти всегда на запоре.

Мечетей в Бухаре считают до 300; они большею частью хуже всякой нашей избы; мазанные глиняные, со сводом, темные; на некоторых небольшая и невысокая вышка, вместо минарета, или же моаззин просто сзывает народ безобразным криком своим с крыльца мечети.

Большая часть мечетей не велики; помещается сотня людей, много полторы.

Мечеть Джума, пятничная, соборная — считается первою. Там молятся только по пятницам. Она кирпичная, древняя. К ней принадлежит стоящий недалеко минарет, вышиною в 60 газов, в 30 маховых сажений. Он довольно искусно выложен узорами из темного кирпича и об нем уже было упомянуто, когда говорилось о башне Вабкендской. Мечеть Джума и минарет этот верх славы и гордости бухарцев, и они твердо уверены, что нигде в целом мире нет ничего подобного. С минарета этого сталкивают иногда преступников, если вздумается хану. В мечети могут поместиться, по словам бухарцев, до 20 тыс. моельщиков; но следует заметить, что 20 тыс. эти стоят под открытым небом, ибо мечеть состоит из четвероугольного пространства, обнесенного каменным навесом на столбах и под сводами, как наш Оренбургский гостинный двор, с который и будет величиною, т. е. ряд сводов составляют покрытый ход, шириною шагов в 15; наружная стена сплошная, внутренняя состоит из столбов и сводов. Средин или двор не покрыт. Известь всюду осыпалась, надписи стерлись и строение в дурном положении.

Мечеть Гау-Кушан, той же постройки, но гораздо меньше; минарет ее вышиною около 25 газов. Древнее кирпичное строение, также в плохом положении. Гау-Кушан значит: мясники, короворезы; название это дано мечети по соседней улице, где были прежде бойни.

Мечеть Аталык стоит у самых ворот Арка, или дворца, также каменная, старинная. Она еще меньше Гау-Кушана; своды занимают одну только сторону, а с трех сторон сплошная стена. Мечеть стоит на Регистане, на площади, примыкающей к Арку, ко дворцу, у самого

входа в него. Но Регистан, в нашем смысле, едва ли может назваться площадью. Неровное, нечистое место, застроенное лачужками и лавками, заваленное сором и грязью, изрытое какими-то канавами, рытвинами и промоинами, бугристое, ямистое, как в башкирской деревне, так что иногда с трудом только можно пробраться по нем по узеньким тропинкам.

Мечеть Сары-Хауз, полукаменная, полудеревянная, небольшая; двора нет, а вся под сводами. Прочие мечети не заслуживают особого внимания: выстроены очень дурно и состоят из нескольких сводов, сложенных из поленьев и кривулин и обмазанных глиной.

Медресов, или училищ, считается до 70; они похожи постройкою на сараи, с тою только разницею, что потолки или кровли их не плоские, а на своде. Ученики живут обще с муллами в каморках и пользуются их наставлениями. В каждой каморке живет мулла, который получает свою долю дохода от этого медресе, доход от приписных бань, земель или сараев. Мулла этот содержит несколько учеников, которые ему в то же время и прислуживают и получают от него то, что мулле угодно им дать. Покидая место свое, мулла продает его другому собрату. Известнейшее медресе Мир-Араб лежит противу первой мечети. В нем до 80 комнат и столько же мулл. Из этого видно, какое множество в Бухаре тунеядцев.

Арк, или дворец — сбор таких же лачужек, небольшой мечети, навесов и полуразвалившихся конюшен — лежит на довольно высоком кургане, который, по общему мнению, в древности насыпан людьми. Всюду, где курган этот осыпался, выказываются бревна, деревянная решетина, состоящая из такого крупного лесу, какого ныне в Бухаре нет. Вход на курган этот под сводом, засыпанным также землею. Дорога под сводом тесная, неопрятная, вся в глубоких выбоинах. Во

дворце, под навесом, лежат двенадцать пушек и две мортиры; тут же посиживают и невольники ханские. Две изломанные коляски, одна, кажется, Гавердовского, проданная в Хиву кайсаками, а другая, работанная в Орске и подаренная здесь посланцу бухарскому, бывшему в 1831 году, стоят в саду ханском, близ горы, покрытые кошмами; когда туда хан приходит, то их всегда раскрывают. Воду носят и возят в Арк в кожаных мешках; наверху ее нет. Покрытый свод запирается двойными воротами, одне снутри, другие снаружи; в залах входа того сидят сторожа, караульные, в изорванных халатах; оружие их: ружье, чекан и сабля — стоит и лежит подле.

Наружная отделка ханского жилья ничем же отличается от глиняных мазанок прочих жителей; внутренность, говорят, отделана немного получше, т. е. выбелена; один покой обит русским ситцем, потолок расписан красками. Кроме хана с женами и прислугой живет в Арке еще кушбеги, также с семейством. Строения разделены глиняными стенами; жилище кушбеги разваливается и в самом плохом положении. Беглый татарин Трошка, о котором будет еще говорено ниже, сделал хану за 10 червонцев резную дверь, отделав ее золотом, как в деревнях наших мужики украшают наличники вокруг окон и ставни.

Строения в Бухаре все, за исключением немногих древних мечетей и сараев, глиняные; делают деревянную, из мелкого лесу, решетину и обмазывают ее с обеих сторон глиною, которую месят с навозом и соломою; стены эти бывают обыкновенно очень толсты. Дома все подняты, так что под жильем кладовые или конюшни. Дом к дому с улицы примыкает вплоть; изредка есть промежутки, которые ведут опять в другие дворы. Дворики тесные, иногда не больше комнаты;

узенькие калиточки, а ворот не бывает, плоские кровельки, в то же время и потолки; окон на улицу нет почти нигде; иногда есть отверстия на двор, вместо окон, или решетка над дверью; в сараях, обыкновенно, двери на двор двойные: одни деревянные, другие масляной бумаги; на день первая растворяется и свет входит сквозь бумагу; в частных домах лето и зиму растворяют дверь или же сидят впотьмах. Ни во двор, ни в дом никогда не пускают чужого, калитки всегда заперты; хозяин выходит, если кто постучится, и иногда принимает гостя, особенно приезжего, в особой комнате — михман-хане, гостиной, которая однако же есть не везде. Она стоит у самых ворот и ограждена особою стеною. В домах редко бывает более одной комнаты, в которую ведут двое, трое дверей, а из нее вправо и влево бывает по темному чуланчику. Двери выходят на крытый ход, род галереи на столбах, с которой крыльцо или лестница ведет на двор. В некоторых дворах есть колодцы, где дом стоит на дворе, там высокая глиняная стена занимает место его с улицы. Жидовская улица прямее, пошире и дома немного лучше.

В Бухаре считают 300 улиц и переулков; жителей, говорят, до 100 т.; но это без всякого сомнения крайне преувеличено. Кроме собственно бухарцев, в Бухаре много евреев и найти можно жителей целого Узбекистана или Турана (Следует понимать, по-видимому, — «жителей всех тюркоязычных стран».); есть и персиане, индийцы, но те и другие не живут постоянно, а приезжают только по купеческим делам. Персиане безопасны, доколе они в городе, но на пути их нередко грабят и даже обращают в неволю. Индийцев ныне крепко теснят, и они собираются оставить Бухару вовсе. Им не дозволяют более вывозить золото и серебро в Индию — впрочем они действительно почти все золото прибрали к рукам, не позволяют

покупать товаров из первых рук, а наконец не дозволяют более жечь покойников. Есть в Бухаре также много калмыков-мусульман; все они в военной службе; это потомки калмыков наших, бежавших в 1772 году с Приволжских степей и переловленных большею частию кайсаками.

Взамен вывезенного индийцами золота и серебра правительство бухарское начеканило множество фальшивой монеты; любопытно видеть, как правительство смотрит на дела и вещи; отдавать медь вместо золота выгодно и потому, не призадумавшись, делают это, а о кредите, о доверии не имеют никакого понятия. В золотые деньги подмешивают серебро, в серебряные — медь, или делают просто медные, полуженые. Я сказал кушбеги в глаза, что они чеканят их сами; кушбеги отпирались и уверял, что это делают туркменцы, что он велел прошлого года одного за это повесить. Я засмеялся и заметил, что на поддельных и настоящих деньгах явно одна и та же казенная чеканка,— вынул несколько танег и показал ему. Тут он спросил: да как же у вас делают бумажные деньги? И я не мог объяснить ему, что это государственный долг, который уплачивается по мере востребования и основан собственно на доверии: этого он не понимал.

Серебро идет в Бухару из Кашгара за русские товары; золото все идет из России, а потом — через менял-индийцев в Кабул. Его так мало в Бухаре, что два — три червонца можно достать только с величайшим трудом. Поддельные деньги ходят; купцы всегда упрасивают, нет ли настоящих, а в случае отказа берут и поддельные.

Сначала привели меня было, как я уже упомянул, в сарай Аяз, но он так дурен и неопрятен, хуже всякой кухни нашей, что я не решился в нем остаться. Армянин

Мартын Егоров Берхударов, астраханский купец, бежавший 4 года назад от долгов, пришел и пригласил меня в сарай Раджаб-Бик Диван-Беги и сказал, что меня спрашивает афганец. Это был Мирза-Гусейн-Али. Берхударов потерял капитал и покинул семейство и дом в Астрахани, разорившись по случаю разбившихся двух судов его; он порядочный молодой человек и плачет ныне, вспоминая участь свою. Он отдает оставшиеся у него 200 червонцев в рост, под заклады, одной только знати, с купцами не водится. Если бы нашему правительству угодно было иметь в Бухаре верного человека, который бы извещал обо всем происходящем, то на это с выгодою можно бы употребить Берхударова, тем более что он человек способный, пишет по-русски и изъявляет на это дело полную готовность свою. Толкаясь всегда между сановниками, знает он всё дела. При этом случае упомяну, что в Бухаре все инородцы ожидают пришествия русских и что весть эта разнеслась после похода Аббаса-Мирзы на Хорасан и наконец после похода нынешнего г. военного губернатора в степь.

Англичане содержат в Бухаре кашемирца Низаметдина и дают ему 20 тыс. рупий, т. е. 40 тыс. руб. в год, он живет в Бухаре под предлогом торговли уже 4 года и притворяется, что не мог доселе распродать по выгодным ценам шали свои. Он человек очень смысленный, знает со всеми и угощает знать бухарскую; отправляет через нарочных тайных гонцов еженедельно и чаще письма в Кабул, где живет англичанин Масон, который доставляет известия эти далее. Удивительнее всего, что Дост Мохаммед-хан, владелец Кабулистана, очень хорошо знает назначение Масона; хан перехватывал даже письма его, но не трогает лазутчика, говоря: что мне сделает один человек! Кажется, что Дост Мохаммед, который всегда обращается

отлично хорошо с европейцами, не хочет навлечь на себя их неудовольствие и из уважения к европейцам вообще терпит и Масона. Человек этот живет в Кабуле под предлогом отыскивания древних монет. До него был там персианин мир Карамет-Али, который получал также большое содержание, 400 рупий — кальдар или 100 голландских червонцев в месяц. Но англичане были им недовольны, вытребовали его в Лудиану и прогнали. Низаметдин в Бухаре держит еще при себе родственника, который собственно исправляет письменные дела. Живут они в сарае кушбеги, по тамошнему великолепно; угощают знать; Низаметдин одевается щегольски и собою редкий красавец; товарищ его человек очень смысленный, хотя и неблаговидный, и играет лице подчиненное, хотя по всему видно, что он собственно управляет делами. Деньги получают они от индийских банкиров. Низаметдин старался, немедленно по прибытии моем, познакомиться со мною и выспрашивал меня обо всем: о Новоалександровске, о Новой линии, об отношениях с Хивою и проч. Будучи уже предупрежден, не давал я ему на это положительных ответов; но он, при всем том, отправил на другой же день после расспросов письмо через Карши в Кабул. Зная европейские приличия, ожидал он ответного посещения моего и, опасаясь этим навлечь подозрение бухарцев, ибо сам был у меня вечером — втайне одним словом, — просил меня, через третьего, не навещать его.

Хан нынешний, Батыр-Хан, которого зовут всегда просто эмиром, государем, всю правительственную власть сложил на кушбеги. Кушбеги, Хаким-Бий, косой старик, человек пронырливый, крайне корыстный и в самом деле богат: богаче всех бухарцев и самого хана. Ни одного дела не допускает он до хана и делает совершенно, что хочет, хан уже не в силах ему

противустать. Говорят, будто хан дал ему, при вступлении на престол, клятву слушаться и уважать его как отца; известно, что Хаким-Бий и Раджаб-Бик Диван-Беги возвели хана на престол; но первый удалил последнего и завладел всем. Кушбеги не является по праздникам на выходы, на салям, во дворец; по званию есть много чиновников старше его, хотя они власти никакой не имеют; но он бы должен им всенародно показывать некоторое преимущество, чего делать не хочет. Впрочем, где он сойдется с ними случайно, честит он их и величает, но заграбил всю власть себе, так что прочих ничтожных сановников почти не слышать и не видеть. Под его непосредственным ведением кухня, конюшня и весь дворец хана и все управление целого ханства; он все: судья, полицмейстер, дворецкий, церемониймейстер, докладчик и первый министр по всем отраслям и частям государственного управления; а таможня, как сказано было уже выше, у него на откупе. Он выбирает и считает лично хлеб, опресноки, которые берут для хана на базаре; он печатает ежедневно кушанье ханское и воду для питья в особом сосуде, чтобы хана не могли отравить; еловом, все, малое и большое, рук его не минует. Я бывал у него раз восемь, получив от него приказание заходить, и говорил и спорил с ним много. Он бранился за то, что задержали в прошлом году купцов бухарских, говорил, что пошлет посла жаловаться на это государю, уговаривал меня остаться в Бухаре и ожидать отправления посольства.

Я представлял ему, что он обязался посольству нашему не держать пленных и что, сколько мне известно, купцы задержаны были только на несколько дней, чтобы принудить их дать расписки в том, что они освободят имеющихся у них пленников, коих знали поименно; прибавил, что, по моему частному мнению, довольно

странно видеть у нас на свободе разгуливающих барышников бухарских, которые пользуются всеми правами и преимуществами наших законов, между тем как русские в Бухаре есть какое-то безответное существо, на которое всякий может наложить руку и между тем,, как те же самые купцы содержат русских невольников, не считая их даже и людьми; говорил, что посольство его, вероятно, не изменит положения дел, доколе он, или хан, не будут действовать благовиднее, что сам я не могу оставаться в ожидании отправления этого посольства и не останусь, ибо как русский офицер, посланный за делами, обязан явиться при первой возможности начальству.

Я должен заметить здесь, что счел за лучшее не скрываться, а сказаться настоящим именем и званием своим. Я сделал это как по той причине, что мог бы легко быть узнан кем-нибудь, если бы сказался мусульманином и чужим именем, тем более, что бухарские купцы писали уже об отпращивании моем из Оренбурга и из Хивы,— так и собственно потому, что мне казалось несколько унижительным для русских, а тем более для офицера, скрываться от бухарцев под чужим именем и что хотел сделать опыт, проложить и русским свободный путь в ханство это, доселе неприступное для всякого честного человека.

Кушбеги отвечал на все это, что пленных не выдадут, тем более, что русские сами держат мужиков своих в рабстве, что правоверные выдавать рабов кафырам, неверным, не могут. Впрочем, прибавил он, не шутя, пленникам вашим не запрещается исповедовать веру свою; они все, как видишь, по праздникам пьяны.

Далее кушбеги страшал меня, что бухарцы не станут ходить в Россию, а будут торговать с англичанами, указывая при этом на Бернса, который делал на этот счет

разные предложения. Я отвечал наотрез, что это пустое, что англичане ни под каким видом не могут доставлять бухарцам из Индии железо, медь чугуны в деле, юфть и другие товары, что бухарцы и того менее могут брать товары эти у англичан, потому что отдавать им взамен нечего; хлопчатую бумагу, сушеные плоды и другие произведения земли своей они, бухарцы, за Гиндукуш не повезут и сбывать им произведений этих кроме России некуда. Куш-беги пришел в замешательство, но уверял, что все это изменится, что они скоро заведут Низам (Регулярное войско.), регулярство и порядок, и тогда дело пойдет иначе. Я напомнил ему, что они дома, у себя, не могут управиться и не совладают с отложившимся городком; это ему очень не понравилось; он говорил, что набирают войско из беглых татар и русских пленников и вскоре накажут возмутителей, что после Курбан-Байрама (Мусульманский праздник.) сам хан собирается на Шаир-Сабс. Заметим, что хан действительно набрал человек с 10 беглых татар наших в сипаи (В данном случае речь идет о воинах.), держал их обманами без жалованья и кроме того обнародовал фирман, по которому все пленники находящиеся в частных руках, приглашались бежать от господ своих и явиться в Арк, во дворец, где немедленно будут записаны в сипаи, в солдаты. На этот вызов явилось также человек 25, которых и держали в самом жалком положении.

При этом кушбеги, с которым я объяснялся прямо и говорил ему не обинуясь правду в глаза, ибо знал по опыту, что это лучшее средство для противодействия козням, хитрым и тайным замыслам бухарцев, которые не боятся греха, а боятся только гласности его, при этом кушбеги спросил меня, почему Мирза Джафар (г. де Мезон) , будучи послан в Бухару в прошлом году, не говорил ему таких вещей в глаза, какие я говорю? Я

отвечал: потому именно, что он был послан, а я частный человек и говорю все что мне угодно. Впрочем кушбеги относился о г. де Мезоне не выгодно, говорил, что ему, как послу, стыдно было обманывать их и притворяться мусульманином и уверял, что они с самого начала разгадали его и сами над ним шутили.

Кушбеги снова принялся уговаривать меня остаться до отправления посольства, проговаривая даже, что меня не отпустят, и стращал, что хивинцы или ташкентцы убьют меня дорогою. Я отвечал положительно, что не останусь, ибо заехал сюда без воли и приказа начальства, единственно по необходимости, стыдил его, что он так обходится с гостями и говорил, что живой не дамся никому. Тогда он изменил тон, был ласковее и сваливал все с себя на других. Я говорил ему, что в случае отправления посла надлежало бы, по мнению моему, выбрать порядочного человека; что это была бы собственная их польза. А известно, что доселе место или звание посла было и есть продажное и дается без разбора любому торгашу и прасолу, который и прежде и после посольства своего сидит босой и полунагой в мелочной лавочке своей, между тем как семейство его, для хозяйственного сбережения, голодает. Кушбеги отвечал мне, что каферы, неверные, не достойны лучших послов и что для мусульман было бы предосудительно посылать к нам хороших людей. Оттого-то, возразил я, дела ваши идут так плохо; вы презираете людей, которых презирать не имеете никакого права, кичитесь и чванитесь сами собою и сами за то терпите. У царя нашего под рукою более мусульман, чем во всех ваших ханствах, вместе взятых; но они живут свободно, исповедуют веру свою, равно как и ваши подданные пользуются у нас совершенною свободой. Он засмеялся и находил это все в порядке вещей; как же неверный может не оказывать

правоверному преимущества? Таковы-то понятия этих народов, таковы их суждения и ответы.

Из этого однако же ясно видеть можно, стоят ли владельцы Средней Азии того, чтобы обходиться с ними так, как это водилось доселе, можно ли равнять их, в каком бы то ни было отношении, с владельцами европейскими и чего можно ожидать от них, чего можно достигнуть, если не стараться разочаровать дремлющих в этом ребяческом невежестве, в этом неограниченном самодовольствии и себялюбии. Относительно задержания купцов бухарских кушбеги уверил меня также, что этою мерою нельзя правительство их принудить ни к чему, ибо, говорил он, что для нас значит потерять несколько сартов; пожалуй, задерживайте! Я знаю, отвечал я, что люди вам недороги, но стоит только задержать товары ваши, тогда вы не то скажете. Это поразило кушбеги; он не нашелся, что отвечать и уверял только, что он человек бедный и товаров в Россию не посылает, кроме разве весьма незначительного количества. Я повторил сказанное и уверял его, что нам очень хорошо известны и товары и прикащики его, которых я называл ему поименно, присовокупив, что доселе воли правительства не было еще на такое распоряжение, но что оно, по частному мнению моему, было бы весьма полезно. Относительно письма г. генерал-майора Генса о выдаче пленных и по другим предметам, которые он, кушбеги, оставил два года без ответа, говорил он только, что это сделалось по недосугу; хан занят и он занят.

Несколько раз принимался кушбеги еще расспрашивать меня о предметах веры нашей, но заметив с первых его слов, что он не намерен соблюдать при этом разговоре должного приличия и уважения, отвечал я наотрез, что у нас всякой исповедует веру отцов своих свободно, что всякий отвечает богу и совести

за это, а допросов в этом отношении у нас нет, и я прошу его избавить меня от них и здесь, где мысли мои об этом предмете никак не могут согласоваться с мыслями его, кушбеги.

Неоднократно также подозревали меня лазутчиком, и кушбеги говорил, что я приехал рассматривать и узнавать все, а после русские придут с войском. Я просил его на это рассудить, что нам высматривать у них вовсе нечего; что мы знаем все, что у них делается, или можем узнать, если захотим, через проживающих у нас бухарцев и что кроме этого недавно посольство наше было у них с 500 человеками войска и что видели тогда все, что хотели.

Была речь неоднократно об Искандере, т. е. о Бернсе, и о Мартыне, т. е. Хонигбергере. На последнего сердился кушбеги чрезвычайно за то, что он успел провезти деньги свои без пошлины; вообще же об этом человеке отзываются здесь дурно; он между прочим продавал какой-то порошок, обращаемый в золото; для этого нужно было только отыскать крепкой водки, которая бы распускала порошок этот; но бухарцы доселе ищут ее тщетно; они выписывали крепкую водку из разных мест, но она, по их мнению, недовольно крепка. И я между прочим, получил поручение прислать самой крепкой водки из России. Об Искандере говорил кушбеги, что он приезжал с предложением основать в Бухаре английскую факторию, что доказывал при этом бескорыстие англичан, пользу от этого заведения для бухарцев, убеждая кушбеги в физической невозможности для англичан завоевать Бухару и указывая на опасных соседей, на русских, от коих могут они только быть безопасны, заключив союз с англичанами. Берне обещал быть назад через три года, чтобы кончить дело, и

кушбеги его приглашал к этому и намерен его покровительствовать.

Скажу при этом случае слово о торговых отношениях наших и об англичанах. Англичане заменить и вознаградить бухарцам торговли с Россией не могут, эта вещь несбыточная, как я уже упомянул выше, по двум причинам: во-первых, англичане железа, меди, чугуна, юфти и других русских товаров доставлять бухарцам не в состоянии уже по отдаленности и трудности пути; во-вторых, им брать взамен своих товаров нечего; звонкой монеты в Бухаре нет; золото все идет из России, серебро из Кашгара, за русские же товары, и произведения Бухары все в излишестве находятся во владении англичан. Мы, напротив, легко могли бы распространить круг торговли своей до самого Мультана и вытеснить английских промышленников из целой Средней Азии. Наш путь ближе, наши произведения и товары в большем ходу и славе, и мы можем вывозить из Средней Азии много предметов, между коими бумага всегда займет первое место; ныне благоприятствует нам еще одно вовсе неожиданное и не многим известное обстоятельство. Дост Мохаммед-хан, владелец Кабулистана, ищет покровительства России и готов сделать в пользу нашу все, что от него потребуют; и наконец, что также не многим известно, товары наши во всей Средней Азии, до самой Индии, ценятся выше английских; довольно странно, что английские ткани, заготавливаемые для Азии, так дурны, что не могут выдержать ни даже самого поверхностного сравнения с русскими. Все ситцы их и другие бумажные ткани жидки, редки, до невероятности, и только полощены и подклеены; в холодной воде краска сходит и остается тряпка. Я сам сначала не верил этому, но убедился наконец собственными глазами, будучи в Бухаре, куда

также завезены уже товары англичанами, хотя сбыт их плохой, потому что товары плохи. Но если с нашей стороны не будет взято никаких мер, то и эти плохие ткани должны наконец занять место наших, и торговля наша упадет еще более.

Об англичанине Стрендже я узнал только вот что: он вышел из Ленкорана, неподалеку Решта, на персидском судне, обще с шекинскими турками или татарами и прибыл на урочище Ох, на восточном берегу Каспия, между горами Балхан и Мангышлаком. Здесь стал он упрашивать татар, чтобы они взяли его в Хиву, с караваном, и сулил за это до 1000 червонцев; но татары, зная Хиву, боялись положить с ним вместе головы свои и решительно отказались; наконец караван ушел и судно также отплыло. В бедственном положении этот Стрендж с трудом нанял туркменскую лодку, которая нагнала и воротила судно, и Стрендж отплыл обратно в Персию. Я видел в Бухаре прикащиков шекинского купца Мир Абу-Талиба, прибывших на урочище Ох со Стренджем, и от них об этом узнал.

О Вольфе слышал я только, что он, приехав в Бухару, сказался жидом и перешел жить к жидам; но когда он начал проповедовать Евангелие, то те его прогнали, и он, до отъезда своего, жил в караван-сарае.

Муркрофт был чрезвычайно неосторожен; он щеголял, хвастал и хвастался богатством, угощал на золоте и на серебре и тем подал сам повод алчному корыстолюбию бухарцев посягнуть на жизнь его.

В Бухаре есть грузин тифлисский, Мукуртум, 97 лет, свежий и бодрый старик, довольно богатый; он живет в индийском караван-сарае и безвыходно в Бухаре 40 уже лет. Он приобрел некоторое уважение жителей и бранится с кушбегием и с самим ханом, которые желая покорытоваться от него, призывают его от времени до

времени и заставляют принять мусульманское исповедание.

Армянин или грузин Григорий, из Кизляра, человек средних лет, ушедший из Троицка, подравшись с городничим, около 1831 года, также в Бухаре. Он человек очень порядочный и очень жалеет, что был принужден покинуть Россию.

За неделю до отъезда моего из Бухары хан прислал за мною мехтера, служителя. Было часов 9 утра, холод очень значителен. Между прочим я сам видел однажды около того времени у кушбегия на термометре 18° Р. (По Реомюру.), а бывало и холоднее. Я был одет в тулупе, халате и армяке, а хан восседал на окне своем в одном легком халате сером, измаранном, т. е. в одной рубаше ибо халат этот занимал ее место, а грудь была голая, на голове круглая тюбетейка. Окно это без рамы, просто отверстие в стене от земли вышиною в сажень, и тут показывается хан народу. Мехтер подвел меня со двора к окну, таща за рукав, шагов на десять, и, приложив руку к груди, стоял в подобострастном, полунаклонном положении. Хан чесал бороду красным деревянным, гривенным гребешком и стоящий за ним мальчик джуан подал ему ноженки. Я стал просто вытянувшись, и несчастный мехтер тщетно кивал и мигал мне и дергал за рукав, чтобы я отвесил поклон. Хан взглянул на меня очень важно; спросил мехтера по-татарски: знаю ли я язык? Я отвечал, что говорю по-персидски и по-татарски. Русский ли ты? Русский. Давно ли приехал и зачем? Я отвечал, что живу уже слишком месяц, что был послан в степь и заехал в Бухару, как в союзную землю, по поводу войны ташкентцев с Хивой, чтобы не попасться им в руки, и по случаю недостатка продовольствия. Долго ли пробудешь? Уеду с первыми попутчиками, если дозволено будет, потому что кайсаки уже откочевывают к России, и

мне надо отправиться с ними. Ихтиар — можешь, отвечал хан. Видел ли город? Хорош ли? Видел, хорош. В какой ты службе? В военной, пехотной. Сколько у тебя солдат под командою? Капральство — 75 человек. Так ты и не юзбаши, у тебя и сотни нет! И так пешком дерешься? Пешком. Умеешь ли стрелять из пушки? Нет. У меня есть новые пушки, из которых никто не может попасть в цель; я думал, что ты мастер и за этим послал за тобой. Заметим, что пушки эти особенного устройства: напал кривой, усыпан горбами и неровностями и потому закатывают в него маленькое ядро, которое гуляет по широкому и неровному каналу на свободе. Перед отъездом зайди к кушбегию — сказал хан, и мехтер снова потянул меня за рукав. Я поклонился, хан кивнул головою, и мы отправились.

На улице видал я хана часто: он каждый день разъезжает по мечетям. Наперед едет удайчи с булавой и кричит во всю глотку: желайте эмиру здоровья и долголетия! Потом следуют два отрока, джуана, потом хан в суконном чекмене, в чалме, на лошади, худой и незавидной, покрытой попонами; на хороших аргамаках он ездить боится. За ним едет Саям-Агасы, который откланивается за хана; кричит непрестанно: «Алейкум-саям», там следует еще пара джуанов и несколько прислужников. Хану лет 28; похож он на худошавого бледного жида, среднего роста, с большими черными глазами. Он самоуправен, где кушбеги не устранил его пронырством своим, жесток и делает неслыханные насилия. Мальчиков и девочек уводят от отцов и матерей для скотской похоти эмира; нередко он наказывает телесно, лично при себе, если кто заслужит немилость его. В Бухаре наказывают дубинками, толщиной почти в косое или в колеище так, что ломают кости и нередко убивают до смерти.

Политические отношения Бухары, по ничтожности хана и корыстолюбия кушбеги, в жалком положении; хивинцы и все прочие соседи Бухары грабят пределы ее ненаказанно; город Шагера-Сабз отложился уже лет 15 тому, и бухарцы доселе не могут с ним управиться. Узбек, засевший в Шагера-Сабзе, держится то силою, то хитростями; когда ему пришлось было плохо, то он предложил мировую, прислал хану дочь свою в замужество, и потом опять напал на него врасплох, разбил и разграбил войско его и сохраняет доселе независимость свою.

Постоянного войска, сипаи, состоящего из одной конницы, считается в Бухаре до 12 тыс.; это большею частию узбеки и празднующиеся всякого звания и племени; они записаны на службе, проживают где хотят и являются по воззванию; они получают ежегодно по 4 тилла и по 4 батмана пшеницы; кроме этого хан иногда раздает тому, кто первый навернется, отбитых и взятых у кайсаков в закят лошадей; если лошадь у воина пала, то он получает за это ярлык и при первом случае убыль вознаграждается. Десятники, пятидесятники, сотники, пятисотники и тысячники (дабаши, пинджабаши, или караул-беги, юзбаши, пенсатбаши и минбаши, или серкардар) получают по два халата в год и некоторые подарки, как случится, и жалованье. Главнокомандующий есть сам хан. Войско это в самом жалком положении, оборванное, голодное, вооружено крайне плохо и никогда не может быть собрано в целом составе своем. Кроме этого, ополчение из кайсаков, туркменцев (рода арабаши и других), из кочующих узбеков и другой сволочи могло бы составить до 50 тыс. менее чем полувооруженных ратников; говорят, что когда нынешний хан завладел престолом, изгнав предшественника своего, то у него было разного сброду

до 40 тыс. Но собрать их действительно дело весьма трудное; а заставить их драться и содержать в целом составе своем сколько-нибудь продолжительное время — еще труднее, даже невозможно. У кого продовольствие вышло, тот едет домой; и все войско нередко исчезает в несколько дней, может быть в самую роковую минуту, которая должна решить участь похода и целого ханства!

Кроме упомянутого содержания, получаемого войсками, при раздаче коего происходят величайшие беспорядки и злоупотребления, войско и в военное время не получает ничего, и каждый сам заботится о перевозке и доставке продовольствия своего. Фуража не отпускается вовсе, хотя он там, по бескормице, важнее всего и становится дороже, чем содержание человека. Приступая к городу, выступая противу неприятеля, войско перемогается несколько дней, неделю, много две, голодает, воины закладывают сбрую, одежду, оружие за хлеб и фураж и наконец возвращаются, изморив и себя и лошадей, восвояси. Орудий у хана всего около 18, но они в таком положении, что никуда не годны. Вывозят их на арбах, привязывают орудие непосредственно к арбе и стреляют. Есть одна пушка с именем императрицы Елисаветы Петровны и две русские мортиры, орудия эти завезены туда, как говорят, Надир-шахом. Кроме этого, у хана есть несколько фалконетов, прикрепляемых к седлам верблюдов. Фалконеты эти тонкостенны и, по-видимому, кованые; они, должно быть, вывезены из Персии и служат более игрушкой, нежели оружием.

Праздник Курбан-Байрам, следующий за подвижным постом Рамазан, празднуется в Бухаре с возможным великолепием; но все, что я видел, празднество это не стоит, по совести, описания. Все скудно, смешно, безобразно и походит на какой-то

нищенский пир, в котором нет ничего, кроме бессмысленной толкотни шайки оборванцев.

Бухарцы по ночам, в ожидании Байрама, начинающегося с появлением луны, сидят на кровлях своих и пялят глаза на небо; кто первый увидит молодую луну, тот получает, если два свидетеля присягнут в добросовестности его, от хана подарок: халат. Утром весь народ, столпясь вокруг хана, отправляется на молитву, за город, на открытое место; хан едет в полном блеске, т. е. в суконном халате своем, на коем впереди пары две золотых кисточек, и перед ним ведут 9 аргамаков его, в числе коих была пара очень хороших. Кроме того предшествовала хану смешная игрушка: на одноколке, запряженной дрянною лошадию, которая была накрыта изношенным халатом, на одноколке этой стоял какой-то навес или шатер на четырех столбах, обвитый цветными и парчевыми лохмотьями. Посредине навеса висел род семигранного цилиндра, составленного из восьми небольших продолговатых зеркал. Игрушка эта качалась и повертывалась на тряской одноколке во все стороны» и народ давил друг друга насмерть, пробиваясь к этому диву. В толпе шли порознь — по два, по три — ханские воины, человек до 400, которые в самом жалком виде и вооружении выстроились за городом в две линии, пропустив хана в середине. Потом на этой же площади была борьба, шум и крик — и в этом состоял великолепный праздник.

Замечу, при этом случае, вообще, что рассказы Бернса, издавшего путешествие свое в Бухару, странно противуречили всему тому, что мне случалось тут видеть. Он созерцает все в каком-то блеске и сиянии, между тем как я видел одно только отвратительное, безобразное, жалкое и смешное. Или г. Берне с намерением представил Бухару в преувеличенном и разукрашенном

виде, или он был расположен глядеть на все глазами самыми пристрастными.

Пленных персиан в Бухаре множество, значительная часть нынешнего населения Бухары даже происходит от смеси таджиков и узбеков с отпущенниками-персианами. Надобно впрочем заметить, что узбеки берут за себя дочерей таджиков и даже персиан, но своих им не отдают.

Русских пленников знал я в Бухаре до 25 человек. Большая часть их принадлежит хану, человек до 20. По ханству также русских немного; может быть, наберется еще до 50, и то старики, прежнего привоза. Ныне с Линии не увозят, а увозимые с моря все попадают хивинцам.

Замечательнейшее лице между русскими пленниками - это некто Михальский. Он поляк, из-под Замостья, взят в 1812 году в плен и, будучи прислан в Оренбург за побег, находился до 1816 или 1817 года на Линии. Здесь хотели его наказать за то, что у него на охоте разорвало ружье и сильно поранило руку; подозревали, что он хотел сделать себя неспособным. Он бежал в степь, взят кайсаками и продан кушбегию в Бухару. Он сапожник, столяр, слесарь и все, что угодно. Он и татарин Исмаил произвели чеботарным ремеслом своим в Бухаре переворот: до них не умели здесь сшить сносную пару кауш-мессы, сапог с галошами. Он также отлил хану и пару пушек, о которых было сказано выше. Он женат на бухарке, принял, по наружности, мусульманство, имеет трех детей и часто поговаривал о том, что хотел бы бежать в Россию, плачет и раскаивается в побеге своем, но жалеет бросить детей. Настоящее имя его Фаддей, но он известен под именем Уста-Матвеи. Ему лет за 60. У него русские пленники все под командою.

Трофим Андреев, известный под именем Махмуда, трубач Орского батальона, бежавший в 1832-м году. Кайсаки его поймали и повезли продавать в Бухару; тут он сказался татарин; отец его действительно татарин, он же вырос в отделении кантонистов, и сам не знает, крещен или нет. Бухарцы сначала не решались его покупать, но когда кайсаки стали отдавать его за 7 тилла, то один бухарец его купил. Трошка божился и клялся, что он мусульманин, тягался с хозяином своим, ходил к казикалян, к самому хану, но без успеха. Наконец, по случаю ханского фирмана, о коем упомянуто было выше, бежал он от хозяина, явился к хану и ныне записан в войска. Он также сапожник и плотник и ныне, под начальством Ивана, собирается строить лафеты; поговаривает, однако, что хочет бежать с другими в Шагер-Сабс, и упрашивал меня взять его в Россию, с тем чтобы он был избавлен от заслуженного наказания. Разумеется, что я ему этого обещать не мог.

Иван, господский человек, проживавший в Астрахани, взят на Каспийском море, был 3 года в Хиве, бежал в Бухару и плотничает ныне у хана. Он-то, собственно, по вызову хана, взялся сделать к орудиям лафеты, но требует на то колесы из-под старой коляски Гавердовского, о чем в мое время еще шли переговоры. Иван этот - самый порядочный и толковый человек из всех тамошних пленников.

Коломенский мещанин Егор, известный под именем Московского, славится удалством своим и буйством. Он также бежал из Хивы, где жил у хана, и говорит, что не раз уже собирался раскроить хану лоб мотыгой, которою работает в саду ханском, но не решился предать себя после на истязания, которые его неминуемо ожидали, и поэтому бежал в Бухару.

Артиллериею управляет у бухарского хана бежавший с женою из Сибирского казачьего войска, из конной артиллерии, рядовой. Имени его не помню. Он живет уже давно в Бухаре, называется мусульманом, ходит в алой шапке и имеет нож за поясом, что уже почитается большим отличием. Но собственно топчибаши, начальник артиллерии, природный узбек.

Есть еще какая-то майорская дочь, увезенная с Линии, когда ей было лет 15; теперь ей уже за 50. Она уже на воле, преимущественно занимается промыслом наших сведен, прислужничает и навязывается всем новоприезжим.

Беглых татар наших в Бухаре, как уже было упомянуто, великое множество; и немало их, говорят, в Кокане, в Ташкенте и по всему Турану; только в Хиве их почти нет. В степи, подалее от Линии, во всяком ауле два-три человека. Через Бухару проходят также нередко бежавшие из Сибири ссыльные закавказские татары, армяне, грузины, черкесы и греки. Беглых вообще из Сибири очень много. Татары наши в степи учат грамоте, шьют сапоги, ездят воровать, иные торгуют. Похождения одного из этих бродяг, которого я знал в Бухаре, довольно занимательны. Он уроженец города Оренбурга, где жив и поныне отец его, служил в каком-то пехотном полку во время Турецкой войны; передался туркам, был взят в плен вместе с гарнизоном Исакчинским, узнан, прошел сквозь строй и отправлен в Литовский корпус. При открытии Польской войны передался он мятежникам; был в шайке Матусевича, потом, когда кавказские линейцы Матусевича разбили, попал к Станевичу, который соединился с Гельгудом; перешел вместе с шайкой его в Пруссию, воротился и стал разбойничать по лесам, когда же стали преследовать строго разбойников, то пробрался в Вильно, явился и сказался вышедшим из

плену башкирцем 9 Кантона, приняв имя убитого им лично башкирца, которого он взял в плен, будучи еще в шайке Матусевича. В Вильно он, в ожидании справки, прислуживал плац-адъютанту. По получении из Оренбурга удостоверения, что такой-то башкирец действительно находился в полку и взят в плен, отправили его, татарина, в Оренбург; на пути бежал он из Черноречья, скрывался у отца в Оренбурге с неделю, украл на Линии у калмыков добрую лошадь и ушел в степь. Там жил он у дюрткаринца Тляулия, но поссорился с сыном его из-за лошади, которую тот хотел у него отнять, и сын Тляулия выдал его султану Юсупу, а этот препроводил его в Оренбург. Здесь он сказался беглым солдатом, был прогнан сквозь строй и отправлен в Финляндский корпус. Дорогою, сколько он ни собирался бежать, не было к тому случая; ослабив кандалы и выжидая время, пришел он наконец в С.-Петербург.

Когда он со многими другими арестантами стоял в Ордонанс-гаузе, в С.-Петербурге, то кандалы с одной ноги свалились; это было в сумерки; он выскочил в дверь, забежал куда-то за угол, отбил кандалы вовсе и, несмотря на шум и погоню, ушел. За городом познакомился он с каким-то цирюльником, попутчиком, украл у него суму с бритвами и прибором и пришел благополучно в Троицк, исправляя путем должность цирюльника; он пускал в деревнях кровь, лечил и сказывался башкиром, который был отдан в столицу в науку и едет теперь домой. Из Троицка бежал он сам пят, с четырьмя солдатами, татарами, и доехал с ними, не видав ни души, до Тургаев. Здесь явился к Марал-Ишану, святоше киргизского рода, отдохнул, откормил лошадей и отправился с товарищами далее. За Куваном ограбили их кайсаки, избили до полусмерти, бросив нагих. Они в свою очередь напали ночью на путников, увидав огонь,

отняли пару лошадей и верблюдов, прибыли на них в Бухару. Ныне этот искатель походов записан ханом в воины, в сипаи, но жалуется, что не кормят, не одевают, и намерен уйти в Персию в русский батальон.

Батальоном этим командует беглый вахмистр русский Самсон. Когда Аббас-Мирза усмирял хорасанцев, то туркменцы взяли в плен 15 человек русских, посланных рыбачить для принца. В том числе был взят и беглый рядовой Кабардинского пехотного полка, который защищался при нападении туркмен, и один из наездников отрубил ему саблею в один мах руку, в полплеча, выше локтя. Искалечив его, туркмены продали его одному бухарцу за два тилла, и он исправляет ныне должность водоноса. Безрукий не давал мне покою, просил, чтобы я выкупил и вывез в Россию; хозяин его отвечал мне: «Что мне ваши два червонца; он мне давно уже водою выносил более этого, и я держу его, как видите, почти на свободе; но отдать его в ваши руки и отпустить в Россию, сами знаете, не могу; за это и меня повесят».

Беглого татарина Ниджеметдина, о котором я имел честь докладывать его пр-ву г. оренбургскому военному губернатору еще до отправления моего, вывез я из Бухары, обещав сему татарину от имени его пр-ва милосердие. Он желает приписаться в башкирцы, в 4-ю юрту 9-го кантона, где и поныне братья его, между тем как он, еще при генерале Эссене, был каким-то образом из этого звания исключен.

Казак Иван Степанов, захваченный с женою в 1835 году у Березовского отряда на покосе, беглыми джегалбайлинцами, проживающими у дюрткаринцев, находился, по собранным мною сведениям, у кочующих по его сторону Сыра племен. На пути туда украли у нас из каравана ночью 25 лошадей; поэтому сделались мы

осторожнее и стали высылать в сторону, взад и вперед разъезды. Один из разъездов этих поймал известного разбойника рода Дюрт-Кара, отделения Сеиткул, Кулджан-каракчи. Когда привели его, то он уверял, что ехал в караван, чтобы известить о находящемся у них пленнике Степанове и украденных из каравана лошадях, обещая все это возратить. Купцы хотели везти его с собою и сдать хивинцам, но я этого сделать не позволил, сказав, что он наш подданный, и велел его отпустить, наказав ему строго сказать соплеменникам своим, что если они не возвратят пленника, им будет худо. Он поехал, взяв с собою одного из караванных вожаков, чумекейца, чтобы ему сдать лошадей и пленника. Кулджан привел этого действительно к аулам своим, но здесь сыграли комедию; связали Кулджана, хотели его бить будто бы за ложное показание его и уверили чумекейца, что лошадей украли не они. Силою отнять лошадей было невозможно, потому что каравану нельзя было остановиться и что виновные в краже прикочевали к косе или полуострову на Аральском море. Аран, посевнее устья Сыра, где живут до 500 кибиток разбойников, известных под именем Каркру-Аранчи, сорок родов ловцов, которые занимаются охотою, ловят на тычинки куланов, сайг, коз и разбойничают. Это сброд разных племен и родов; говорят, что они на полуострове этом сеют и хлеб.

Вместе с нами отправился из Орска посланный от султана-правителя Юсупа к дюрткаринцам для выкупа Степанова. Он не захотел ехать с Кулджаном и моим посланным, говоря, что первый его убьет, а пошел с нами далее и расстался уже за Сыром. Я дал ему наставление и между прочим запретил выкупать пленника, а велел настаивать, чтобы его выдали так. Кайсаки, разделив добычу, разрознили Степанова с женою, которая родила

в степи, и отдали ее вскоре в заклад хивинцам; между тем как муж ее оставался в других аулах. Все это происходило на пути в Бухару, и первая попытка освободить пленника была неудачна.

На обратном пути, перешед реку Сыр, узнал я, что дюрткаринцы недалеко от нашего пути верстах во ста; но лошади и верблюды как в караване, так и в аулах, были, как обыкновенно зимою, до того слабы, что едва было возможно отправить гонца. С трудом снарядил и отправил я султану Саналию вожака, который отыскал и привел с собою старого знакомого своего,- Булюш-Бая, чумекейца отделения Сырым, зятя того дюрткаринца, Кулбая, у которого находился пленник. Познакомившись с ним. дружески, представил я ему обязанность услуживать начальству нашему, обещал награду и отправил его за пленниками. Вместо 4-х дней, после коих следовало ему возвратиться, прошло семь; тут он наконец явился с предложением, чтобы я дал бумагу на имя Кулбая, что его не будут преследовать, если он выдаст пленника. Я сделал это, снабдил его еще подарками, и он надеялся привезти вскоре казака. Но на 4-й день приехал он с порожними руками, избитый, в крови; это произошло оттого, что посланный от Юсуфа кайсак хотел непременно выкупить пленника, отговаривая Кулбая отдавать его даром, отчего и вышла ссора и драка: Булюш-Бай возвратил мне данные ему подарки и не хотел ничего взять; лошадь измучил он до того, что пришел пешком; рассказал, что поссорился на вечные времена с тестем и подрался.

Бик-Мирза, один из первых хищников, который сам отдал жену казака в Хиву, на беду подоспел туда же и, желая вовлечь весь род в ответственность с собою, уговаривал единоверцев своих не отдавать пленника; Кулджан делал то же, давал даже за него выкуп и хотел

везти его к хивинцам. Я потерял было всю надежду; стал однакоже уговаривать султана Саналия и башкирца своего Ибетулла Сайфулина ехать туда и, отдав Булюш-Баю на дорогу лошадей своих, отправил наконец их всех вместе. Они поехали и возвратились только на 12-й день. Они прежде всего, по общему совещанию, явились к дюрткаринцу Тляулию, бывшему разбойнику, который рассорился с Бик-Мурзою, дрался с хивинцами, бегают от них ныне, а потому и не трудно было убедить его, что он должен услуживать русским. Тляулий будучи сам болен, послал с нами Кулджана и других к Кулбаю и начал по делу этому стараться. К счастью, Бик-Мирзы в ауле не было; они успели застращать Кулбая, взяли казака, привезли к Тляулию, а потом и в караван. Тляулий при этом написал мне письмо, в котором уверял, что никогда не хотел ссориться с нами, но что притеснения наших мелких чиновников и султана-правителя причиною всех раздоров; изъявлял желание, чтобы я был послан начальством для разбора взаимных притязаний и начетов родов: дюрткара, джегалбай, тамын и табын, чтобы их помирить, заставить разделить между собой и с нами и допускать впредь без притеснения к мене и кочевью. Словесно Тляулий изъявил готовность свою содействовать при поимке разбойника Бик-Мирзы.

Казак Степанов - человек больной, слабый и глупый; из него нельзя было выведать ничего.

Старшина джегалбайлинского рода Сютей, как я узнал здесь, виною всех беспорядков и неудовольствия джегалбайлинцев; он исподтишка представлял им стесненное их положение по случаю основания Новой линии и уговаривал противиться распоряжениям правительства. Насчет проживающих у дюрткаринцев беглых джегалбайлинцев, человек до 10, которые служат первым вожаками и предводителями шаек, остается

сказать, что если бы захватить родственников их, кочующих здесь у Линии, то вероятно беглецы были бы выданы.

Русских в степи нет нигде, но беглых татар, как я уже упомянул, множество. Видя это, нельзя не пожелать, чтобы татары наши вообще отдаваемы были на службу во внутренность Империи и чтобы их в Оренбургском корпусе, откуда бегают их до половины, не было.

Относительно пути нашего замечу следующее: из Орска прошли мы чрез Иргиз до Каракума, глубоким снегом, не видав ни одного аула. За Иргизом напали на нас чумекейцы, которые считали нас разбойниками. Дело объяснилось по урану, по отзыву, и кончилось тем, что у нас украли трех верблюдов, которые и пропали.

В Каракуме снегу было мало, дров довольно, и мы отдохнули. Аулов не видали впрочем до самой Сырдарьи, а люди иногда навстречу выезжали. Чрез Сыр перешли мы по льду, где и встретились с хивинскими сборщиками, о чем было уже говорено. До Бухары шел караван 52 дни, т. е. около 30 верст в день. На Сыр пришли мы в 27 день, а ровно в месяц до Кувана. Впрочем, стояли мы иногда по несколько дней на месте, а иногда делали верст до 70. Мы перешли чрез Сыр около 200 верст от устья его, при урочище Майлибай-Чаганак; ширина реки в этом месте зимою сажень 150. Разлив бывает самый большой в июле, от таящих снегов при источниках реки, и тогда река занимает все пространство между возвышенным краем берегов ее, версты на три и более.

Яныдарья суха вовсе и по руслу ее растут большие кусты джунгила; Куван не шире как сажень 15, и всюду есть броды.

Хивинцы с осени уже рассорились и подрались с ташкентцами за сбор податей с кайсаков. Ходжа-Нияз

посылал в Китинский род за закят, и посланный воротился с известием, что и ташкентцы приехали к китинцам за податью и что толпы их пустились на разбой и на грабежи. Поэтому совет каравана нашего решил уклониться от обычного пути вправо к Аральскому морю. Этот путь по причине топких, сыпучих и голых песков еще затруднительнее обыкновенного; воды мало, а местами нет вовсе, два колодца содержали такую вонючую воду, что нельзя было даже поить ею скот. Совет кайсаков — выстрелить несколько раз в колодец — был исполнен безуспешно. Мы и лошади пили снежную воду; снег с трудом собирали в оврагах пополам с песком. По этому пути, коим мы уклонились к Хиве, есть урочища Акча-Денгиз, Унадым и другие; это солончаки, где растет саксаул; сюда приезжают хивинцы выжигать уголь. Места эти отстоят от первых хивинских деревень дня на три ходу, а баранов пригоняют в неделю.

Ташкентцы грабили кайсаков и путников между Ташкентом и Хивой во всю зиму; бараны были в Бухаре в большой цене. Южная часть Кызылкума, через которую нам довелось идти, по случаю этого обхода, гораздо бугристее северной; песчаные холмы с дом вышиною и так круты, что верблюды с вьюками непрестанно падали и опрокидывались боком и навзничь. Печальнее этой пустыни трудно себе что-нибудь представить. Бугры или сугробы лежат полосами, которые по всему Кызыл-куму, Большому и Малому, имеют постоянное направление от NNW на SSO. На колесах пройти по Кызылкуму решительно невозможно; верховая лошадь с величайшим трудом взбирается на бугры эти, покрывающие непрерывными грядами весь Кызылкум, а песок так вязок и сыпуч, что колеса погружались по самые ступицы. При выходе из Кара-Шура на Кызылкум запаслись мы снегом из приморских оврагов. Мы

встретили аул, который с людьми и скотом едва не погиб; он откочевал было по слухам, что есть снег, в Кызылкум, но после первого ясного дня снег этот растаял, и аул с величайшим трудом в совершенном изнеможении дотащился обратно до Каракума. В Кызылкум заманивает кайсаков корм, но безводье крайне опасно. Кызылкумом шли мы трои сутки усиленными переходами, часов по 12 сряду. Кроме снегу, в Кызылкуме решительно нет воды. Есть предание, что здесь были некогда глубокие колодцы. По эту сторону Каракума, в нескольких часах ходу от него, есть явные остатки древнего заселения; обломки кирпичей, черепки посуды и прочее, но все сровнялось уже с землею. Между реками Куваном, Сыром и Яны все пространство исполнено таких следов древнего жилья; черепки и осколки эти доказывают, что у древних жителей была такая посуда, какой ныне нет. Большею частью виден след зеленой, иногда и голубой поливы. Ныне здешние народы не делают ничего подобного; муравленные изразцы изредка привозятся из Персии, из Мешхеда, а глиняная посуда вся простая, без поливы.

За Большим Кызылкумом следует пространство, равнина, изрезанная оврагами, состоящая из красной солонцеватой глины; почва чрезвычайно твердая и ровная. Тут на другой день караван пришел к ключевой воде, которая довольно странно наполняет в безводном пространстве этом водоем, сажени в полторы поперечника. Здесь выпили мы и скот всю воду. Родник этот называется Айгыр-Булак, от него 4 часа ходу до Минг-Булака, «тысячи родников». На топком иле, на пространстве каких-нибудь пяти или семи квадратных берет, бесчисленное множество родников, замечательно, что здесь перемешаны в расстоянии один от другого на несколько сажен родники горькие, соленые и пресные. Вода в родниках этих стоит, будто налитая по край, не

течет далее, не соединяется, как бы можно было полагать, в одно русло. Вероятно, она уходит опять в землю. Место это окружено обрывистым яром, состоящим из красной глины, и похоже на огромный провал. Набрав воды, отошли мы на ночлег за два часа ходу от родников, чтобы шатающиеся разбойники нас не так легко нашли. Далее, на другой день, опять дошли до одиночного очень хорошего родника, Туш-Булак, который выпили вдруг, и многие остались без воды; пошли далее и ночевали на самой опушке песков Яман Кызыла или Малого Кызылкума, прошед двои сутки полосой, разделяющей Большой, Яман Кызылкум, ночевали без корму, без воды и без дров. Влево виднелось два больших холма, Ссулы-Тюбелик и Чум-Тюбелик, водяной и безводный холм. Далее, также влево, виднелся хребет Пте-Палдыка — Ак-Тау. Горы Букан, Куллар, Агачлы-Ирляр и проход в горах этих Кипча-Таш, коими проходят обыкновенно караваны, остались у нас далеко влево, так что мы их и не видали.

У Пте-Палдыка есть, говорят, глубокий колодец и пещера; то и другое приписывают работе какого-то пленника, который ушел откуда-то и жил здесь с женою хозяина своего.

В Яман Кызыле я едва не погиб, отбившись в темную, холодную ночь от каравана; я развел большой огонь и кайсаки из каравана меня отыскиали. В Ямаи Кызыле нашли мы сухой колодец под названием Ясаул-Кудук; глубина его должна быть чрезвычайно велика, потому что вынутая из него земля образует огромный холм, и стука камня, опущенного в колодец, не слышать вовсе. По Яман Кызылу шли мы двои сутки; пески сыпучие, мельче и вязче Большого Кызыла. Воды также нет; саксаулу много. Корм для верблюда есть везде, а лошади едва-едва могут удержаться на ногах. Джюсан,

Биургун, Аксияу — лучшие травы, изредка по небольшим скатам рассеянные; верблюды довольствуются солянками и крупным бурьяном. Прошед Яман Кызыл, караван ликует; тут уже считают себя дома. Остается впрочем до Кагатама добрых 4 дня ходу. Тут, на пути, ночевали мы при горьком, колодце, коего воду пьют одни только верблюды. Колодец этот называют Арабским, потому что вырыт заходящими сюда от озера Кара-Куля арабами. Арабы эти составляют остатки потомков первых завоевателей Турана и распространителей там исламизма. Они знают большею частью татарский или персидский языки, но между собою говорят по-арабски. Они-то собственно держат породу овец, очень сходную с крымскими, от которых идут знаменитые каракульские мерлушки. Они платят, хотя довольно непостоянно, подать бухарцам.

По случаю обхода, который сделал караван наш, мы продолжали путь далее почти прямо на восток. С горького колодца пришли мы на ночлег к теплomu ключу, Карак или Кара-ата-аулия. Это было 28 декабря; при сильном морозе кайсаки, татары и бухарцы купались в теплой воде. Около ключа выросла роща; ему приписывают много целебных свойств, уверяя, что для излечения достаточно искупаться один раз. Но вода, по-видимому, не содержит в себе ничего особенного; она безвкусна, чиста и годится на варево и даже на чай. Тут могилы человек 80 татар наших, бухарцев и кайсанов, которых убили хивинцы, кажется, в 1825 году, разграбив караван. Известный Палван-Кул, Федор Грушин, ушедший из Хивы в Россию в 1829 году и торгующий ныне в Астрахани пряниками, около того же времени по случаю раздоров Хивы с Бухарою влетел предводителем шайки туркмен и хивинцев среди белого дня в бухарский город Вабкенд, где был базарный день, избил множество

народа и многих полонил. От теплого источника видна гора Нуртау, из которой берут хороший мрамор, белый с желтыми прожилками, но его почти никуда не употребляют и не умеют обделывать.

Известный мусковый корень, употребляемый для курения, растет по всей Бухарии, в степи. Угольщики, люди, отправляющиеся весной для собирания целебных и красильных трав и корней, копают и мусковый корень, сунбул. Они же находят иногда древние монеты, которых много, в особенности на пути от Бухары до Каракуля — селения, поблизости озера того же имени. По этому же пути, верстах в 25 от Бухары, есть какие-то древние развалины. Жиды бухарские промывают иногда несколько золота с берегов Заревшана, но промысел этот очень незначителен. Замечу, что из Троицка и доселе еще возят в Бухару золото, хотя уже гораздо менее, чем прежде.

Бадахшан разорен ныне вовсе и оттуда уже драгоценных камней не возят.

Путь, относительно действий военных, как я полагаю, представляет столько затруднений, что их едва ли возможно одолеть. Путь до Сыра, самый лучший и выгодный, ведет из Петропавловской крепости, на Сибирской линии, потому что тогда минуем большую часть Каракума; или можно выйти из Троицка, из укреплений Новой линии и держаться восточнее; а вышед на петропавловскую караванную дорогу, следовать уже по ней. Таким образом удобно можно дойти до р. Сыра. Тут остается или, прорыв плотины, пустить воду в Яныдарью, итти вниз по ней и потом вдоль Аральского моря до восточного рукава Аму, Кара-Узяка, или построить суда на Сыре и итти в Хиву водою. Устья Сыра и Аму проходимы, ибо и теперь, изредка, суда приходят из Конграта в р. Сыр этим путем. Но мне

бы казалось, что всего удобнее сделать это таким образом: отправиться с отрядом на Сыр, укрепиться там, остаться на более продолжительное время и собирать закят с кайсаков, не давая их в обиду ни ташкентцам, ни хивинцам. Таким образом легко можно будет содержать отряд, а кайсаки ничего не потерпят, потому что будут платить нам менее и уравнительное, чем теперь хивинцам, ташкентцам и всякому, кто вздумает их обобрать.

Здесь для отряда баранов и хлеба будет довольно. Этим одним Хива сделается совершенно ничтожною; а присоединив к себе кайсаков и другие племена, в удобном случае не трудно занять и разорить и Хиву. Но может быть путь через Усть-Урт, чрез Ново-Александровск, также удобен, если только решиться итти не с большим отрядом, разделиться на три колонны, которые могут итти разными путями и притти в одно время. О пути чрез Мангышлак я ничего не знаю.

Приказчики кушбегия и Мирзы Зикерия, любимца и товарища первого, были, как известно, задержаны несколько дней в Оренбурге, чтобы принудить их дать обязательство освободить находящихся у них пленников, коих знали поименно. Когда караван наш отправился, то помянутые приказчики написали об этом в Бухару из Хивы, где находились они с караваном, и присовокупили еще ложь, что бухарец Ша-Булат, с которым я приехал из самого Оренбурга, был причиною их задержания, что-это случилось по его проискам; кроме того жаловались они непосредственно и на меня и требовали, чтобы я также был теперь задержан. Еще одно происшествие озлобило бухарцев противу Ша-Булата: работник его и кушбегиева прикащика, бывшего в караване нашем,, подрались однажды за тропинки в глубоком снегу, по которым всякому хотелось вести верблюдов своих; при этом случае

Ша-Булат подросел и как удалой наездник, выросший в степи, поколотил один всех и поставил на своем. При этом бухарцы, не обинуясь, сказали ему, что отплатят ему в Бухаре. Кушбеги страшал, что повесит его, Ша-Булата, если он не признается, где мои товары и что я или купец, приехавший тайно торговать, или лазутчик, которого дело было узнавать пленников русских поименно, чтобы задержать. после за них купцов. Несмотря на козни эти и на неприятное положение мое, я был подвержен менее опасности, чем сам Ша-Булат; я успел застрашать несколько кушбегия и других бухарцев и ясно видел, что они явно руку положить на меня не осмелятся; мне надлежало только остерегаться тайных замыслов их, но к Ша-Булату приступили не шутя. Наконец, оказалось, что Мурза-Бай, один из приехавших из Хивы приказчиков кушбегия, был старинный мой приятель из Орска, человек мне по разным случаям обязанный. Он пришел ко мне с повинною, плакал, извинялся, что действовал противу меня, не зная, что это я; он, через Мирзу Зикерия разуверил кушбегия в подозрении его, Ша-Булат принял очистительную присягу и тем дело кончилось.

Мирза Зикерия, в бессильной злобе своей, уговорил теперь Рахимбая — нашего караван-баша, чтобы пригласить меня к обеду и отравить. Об этом сказали мне: Михальский, татарин Трошка, армянин Берхударов и наконец многие русские пленники.

Я не верил, но на другой день действительно явился брат Рахим-бая, Улуг-бай, который теперь пришел с караваном в Орск и пригласил меня к обеду. Я обещал притти. Обед здесь всегда бывает вечером, в сумерки, ибо бухарцы едят только однажды в день и об эту пору прислали за мною опять нарочного. Тут я отказался, сказавшись больным, и посланный упрашивал меня битый час, так что я его насилу выжил. Тем дело

кончилось; они догадались, что я узнал о намерении их и стали около меня ухаживать, прислуживать, лицемерить и уверяли меня, что они, как приятели мои, терпят нынче за меня гонение и немилость хана и кушбегия.

Между тем кушбеги не переставал стращать меня и уговаривать оставаться до отправления посла, вероятно того же самого караван-баша Рахим-бая. Прежде всего озаботился я отправлением бумаг Гусейн-Алия. Я сделал тюк, в который уклад также и бумаги эти и уговорил одного надежного татарина взять его под своим именем. Дело в том, что с вывозных товаров пошлины не берут, тюков не осматривают, но меня и Гусейна легко могли задержать и осмотреть тюки наши. Татарин обещал, но захопотался по базарам деревенским и опоздал; караванные верблюды, мало-помалу навьюченные, все уже были отправлены на сборное место, на Карак (Карата-аулия), верст 150 от пределов бухарских, и я остался только с Гусейном, башкирцем своим, двумя кайсаками, Ниджеметдином — беглым татаринком, которого я «вывез из Бухары, с лошадьми и двумя верблюдами своими. Тут делать было нечего, медлить некогда; мы ночью связали все вещи свои в тюки и решились отправить их на моем верблюде с татаринком и кайсаками, а сами остались для прикрытия отступления своего. Мы выбрали для этого рассвет, когда все были на молитве, но и тут тюки наши повстречались с единомышленником Мирзы Зикерии, и татарин мой отделался, к счастью, уверив его, что это вещи татар, живущих в караван-сараях и просивших моего татарина пособить им в перевозке. Таким образом, отправили мы было благополучно все вещи свои; утром, на другой день, вдруг является мой башкирец, испуганный, бледный, с известием, что верблюдов наших задержали уже по ту сторону Вабкенда.

Я между тем узнал уже от многих, что Мирза Зикерия уговорил кушбегия, чтобы меня убить по пути. Поэтому я сказал кушбегию и другим, что еду с япасским караваном, который вышел дня за два на Троицк; сходил накануне к кушбегию и сказал, что еще не знаю, когда выеду; а между тем собрался уже совсем, разделаюсь с сарай-баном, хозяином, оседлаю лошадь и заехал только к Гусейну. К нему пришел и Берхударов звать нас на прощальный завтрак. За час до приезда татарина моего пришел я вдруг к кушбегию и сказал ему, что еду вечером или ночью догонять япасский, троцкий караван; между тем как действительно хотел ехать сей же час к своему орскому каравану. Кушбеги крайне этому изумился; не знал вовсе что сказать, начал уговаривать и стращать, что меня убьют хивинцы или ташкентцы, но я отвечал решительно, что вечером или ночью поеду и что я разбойников не боюсь. Воротившись к Гусейну и нашед там татарина своего с известием о задержании верблюдов моих, схватил я pistols, заткнул их за пояс, накинул халат, надел дорожный малахай свой и побежал к кушбегию.

Тут застал я Мирзу Зикерия, и они, как я слышал входя, хотя и не вслушивался вовсе, говорили об мне, об отъезде моем. Я вбежал прямо в комнату. Кушбеги спросил с изумлением: «Опять здесь?» «Поневоле опять, — отвечал я, — потому что вы не выпускаете меня». «Как не выпускаем?» «Послушайте, — сказал я ему, — если вы меня хотите задержать силой, то держите; но дайте мне, как говорил я вам уже и прежде, дайте мне, как водится у порядочных людей, содержание, какое получаю я дома от государя своего, и дайте бумагу, которую я бы мог послать к начальству своему, чтобы там знали, что я остаюсь не добровольно; я говорил вам уже не раз, что заехал сюда по крайности, не имея на то никакого

позволения, и что должен торопиться домой, не теряя времени; я никогда не ожидал такого приема, ибо жил и вырос на земле, где едва ли поверят, если стану рассказывать, как обошлось со мною бухарское правительство, правительство, коего подданные пользуются в отечестве моем свободой и всеми правами человечества, между тем как у вас здесь и одному человеку нельзя показаться, не подвергаясь всем мелочным придиркам и притеснениям, о коих у нас не имеют даже и понятия, но я объявляю вам еще раз, решительно, что я не останусь, хоть умру, и что каждому, кто вздумает задержать меня дорогою или хотя спросить, куда еду, ибо я уже объявлял это вам и сотне других, которые непрестанно о том мне докучали, итак каждому, кто меня затронет на пути, у меня ответ готов вот какой»,— а сам откинул полу халата и указал на пистолеты.

Кушбеги до того изумился, что не знал вовсе, что отвечать. У азиатцев считается невежливым и даже обидным притти к высшему в вооружении. Кушбеги опешил и спросил наконец: как я мог притти к нему с пистолетами? Я отвечал, что их обычаев не знаю, а что у нас, напротив, следует итти к высшему в полной форме, в вооружении и что это походная форма моя. Он взглянул с изумлением на Мирзу Зикерия, который привстал и побагровел в лице, и отвечал на нерешительный вопрос кушбегия: кто задержал верблюдов моих, отвечал неуверенным и нетвердым голосом: «Этого я не приказывал». По взглядам их видно было что тут произошло какое-то недоразумение, случилось не то, что было приказано. Кушбеги притворился, будто ничего не знает, и спрашивал меня: Какой есаул задержал моих верблюдов? Как его зовут? Я отвечал, что не знаю по имени есаулов их, но что задержаны верблюды мои за

Вабкендом и что я требую решения. Я требовал, чтобы кушбеги дал мне ярлык за печатью своею, дабы никто не смел меня останавливать, но он этого сделать не хотел, а говорил только: поезжай. Я простился с ним и ушел, повторив ему еще раз, что у меня пуля будет отвечать всякому, кто заденет меня на пути хотя одним словом. Кушбеги не выдержал вполне притворства своего и отвечал: «Посмотрим, посмотрим»,— но сам был по-видимому очень рад, что я выбрался. Это было рано, почти на рассвете и я с намерением повторил снова, что уеду вечером или ночью.

Путем нагнали меня гурьбою человек восемь пленников наших и умоляли в голос беречься и бежать сейчас, потому что меня намерены убить. Что это было дело и заботы Мирзы Зикерия, это я уже узнал наверно, и между прочим догадался уже и потому, что в одно утро прибежал в караван-сарай какой-то оборванец, заглянул ко мне в каморку и, не узнав меня, спросил: «Где русский?» Я отвечал, что вышел, и спросил на что ему? «Не знаешь ли,— сказал тот,— когда он едет?» «Никак ночью,— отвечал я,— а тебе на что?» «Да Мирза Зикерия велел узнать потихоньку».

Воротившись к Бархударову, сел я тотчас на лошадь и поскакал с татариним своим в Самаркандские ворота, прямо на Вабкенд; часа два после этого, кончив дела свои, Гусейн выехал также, вместе с одним преданным ему бухарцем, и мы съехались у Вабкенда. Здесь мы снова разделились, чтобы не навлечь подозрения; он поехал в селение Суфиян, а я в самый Вабкенд. Сюда прискакал из Бухары нарочно вожак и приятель мой Альмат в слезах и с воплем, чтобы предостеречь меня, уверял, что уже высланы люди, 25 человек с поручением убить меня на пути; сказал однако ж также, что кушбеги бесился, узнавши, что я уже уехал, тогда как говорил, что

поеду вечером. Ша-Булат тоже нагнал меня, когда я уже выехал из Вабкенда, с тем же известием и просил, чтобы я, бога ради, не терял времени. За Вабкендским мостом съехались мы опять с Гусейном и вчетвером, с двумя кайсаками, пустились крупной рысью.

Надобно сказать об этих кайсаках слово. Один из них был караванный вожак Бик-Батыр, джегалбайлинец, отделения сарыклы, который приехал в Вабкенд за делом. Он бросил все дела и расчеты с купцами, взял с собою товарища Таш-Бу, роду чумекей, отделения джилдер, который бросил также двух верблюдов с поклажею, сдав их на чужие руки, и по чистой привязанности своей ко мне (Бик-Батыр знал меня давно уже прежде) взялся довести нас до каравана. От Бухары до Карака ехали мы день и ночь двой сутки, пробираясь окольными глухими путями; это было в феврале; мороз и буран, который клубил и расстилал белый песок, пронимал нас до костей; а между тем, кроме одного бараньего курдюка, есть было у нас совершенно нечего. Бежав из Бухары, не успели мы запастись ничем. Гусейн при этой пище, без хлеба, без мяса едва дотащился, и все мы были крайне изнурены.

У Карака не нашли мы каравана и в отчаянии уже почти решились продолжать опасный путь одни до Кувана, где должны были находиться чумекеевские аулы, которых караван не мог миновать. Но к счастью нашли караван свой и пристали к нему в десяти верстах от Карака. Здесь встретил я и верблюдов своих, которые, как оказалось, были задержаны по какому-то непонятному недоумению. Есаул, узнав, что меня нет при них, был в нерешительности, что делать, и наконец, когда татарин мой ударил его плетью, а сам поскакал в город, то и есаул мой, подумав немного, куда-то отъехал, а

Ниджеметдин, беглый татарин мой, воспользовался этим и примкнул с верблюдами к каравану.

В караване уже распространились слухи о злоумышлении бухарцев; я нашел всех в волнении и в беспокойстве. Все начали вооружаться, кто чем мог, кайсаки большей частью одними дубинами, которые вытаскивали из верблюжьих седел своих, и я принял отряд в распоряжение свое; даже выставил пикеты и готовился на случай нападения, но все было благополучно; бухарцы за караваном гнаться не посмели, а погоня, высланная за мною, или не догнала меня, или неудачно где-нибудь прождала, потому что мы, как уже говорил я, проехали степью окольными путями.

Тут мы узнали, что две огромные шайки ташкентцев, в одной человек 800, в другой до 2 тыс., грабят впереди нас и спустились уже на запад, к пределам Хивы. Весть эту привезли двое кайсаков, которые едва ушли, между тем как товарищей их переловили. Ташкентцы были верстах в 50 от нашего каравана, звали, что он стоит здесь, но, как посол ташкентский находился о ту пору в Бухаре, не осмелились напасть на караван. Любопытно, что посол прибыл под конвоем шайки этой и отделился в Бухару, а они поехали своим путем на грабеж и правож. Поэтому взяли мы на обратном пути своем далее на восток, ближе к Ташкенту, между тем как идучи туда, придерживались к западу, к Хиве; миновав опасность, спустились мы на запад и дошли благополучно до чумекейских аулов, за Куваном. Здесь караван разбрелся по аулам, купцы начали торговать, в ожидании весны, потому что здесь была еще глубокая зима и каравану итти было невозможно; но караваны обыкновенно спешат выходить из Бухары, чтобы захватить еще зимний путь через Куван и Сыр, потому что летняя переправа крайне

затруднительна. Мы прокочевали с аулами, которые шли на север, к Иргизу, шесть недель. За Иргизом отделились мы от аулов и пустились в путь, прямо на Орск, куда оставалось верст до 500. Чрез Иргиз переправились мы уже вброд. Нас было всего 9 человек: я, Гусейн, два татарских приказчика, с ними два кайсака, помянутый вожак Бик-Батыр, мальчик его и, наконец, султан Санали. Люди мои оставались с верблюдами. Мы прибыли в Орск на 8-й день.

Лица, которые заслуживают поощрение начальства и о которых осмеливаюсь усердно ходатайствовать, суть следующие: Султан Санали Мурза-Галиев, который собственно выручил пленника Степанова при таких обстоятельствах, где я уже вовсе не имел средства что-либо сделать; было бы крайне нехорошо, если бы казак, несмотря на угрозы и настояния мои, остался бы в плену, или еще хуже, был бы выкуплен посланным от султана правителя. Ему, Саналию, следовало бы казаться дать золотую медаль как в уважение заслуг его, так и звания, ибо султанам всегда доселе давались медали золотые

Кайсак роду джегалбай, отделение сарыклы, Бик-Батыр истинно усердною привязанностью своею и услугами, которыми оказал, заслуживает серебряную медаль.

Буюш-Бай, роду чумекей, отделения сырым, который четыре раза ездил за пленником, подрался и поссорился с однородцами своими и служил в деле этом усердно. Ему бы можно было дать, как я полагаю, алый кафтан.

Башкирец Гибетулли Сайфуллин (В начале «Записки» он был назван Наджметдином.), служащий письмоводителем у Сютея Исентаева, управляющего джегалбайлинцами, был ко мне прикомандирован из пограничной комиссии и служил верно во все время. Он

служит давно и хорошо, был неоднократно представляем в урядники; но как он, неизвестно почему, доселе произведен не был, то и трудно теперь определить ему достойную услуг его награду.

В заключение осмеливаюсь еще упомянуть, что я издержал на пути своем, хотя и ограничивался возможно малыми расходами, из собственных денег своих 3500 руб. В том числе большую часть издержек составляли необходимые в таких обстоятельствах подарки султанам, старшинам и услуживавшим мне кайсакам, равно как и покупка собственных верблюдов, лошадей, плата жокакам и тому подобные расходы.

Текст воспроизведен по изданию: Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). – М., 1983.

